

Р.Кудряшов

Игра в Историю
Книга 4.
Российская империя

Том I
Эпоха Петра I

Издательство

202_г

Роман Кудряшов

**Игра в Историю Книга
4. Том I. Эпоха Петра I**

«Автор»

2026

Кудряшов Р.

Игра в Историю Книга 4. Том I. Эпоха Петра I / Р. Кудряшов —
«Автор», 2026

Книга является продолжением серии Игра в Историю. Первый том четвёртой книги посвящён эпохе правления первого российского императора, начиная с момента венчания на царство малолетнего Петра и его старшего брата Ивана. Постепенно перед читателем развёртывается картина взросления Петра как монарха и одновременного роста могущества руководимого им государства

© Кудряшов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Читателю	5
Начало царствования Петра I и Ивана V	6
Стрелецкий бунт - Хованщина	14
Вечный мир Московского царства с Речью Посполитой 1686 г.	19
Освоение Приамурья. Вооруженный конфликт между Россией и Китаем на Амуре	26
Крымские походы князя Василия Голицына	40
Основание Славяно-Греко-Латинской академии в Москве	47
Судьба Славяно-Греко-Латинской академии	54
Свержение правительства царевны Софьи Алексеевны	61
Азовские походы Петра I	73
Воронежские верфи	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Роман Кудряшов

Игра в Историю Книга

4. Том I. Эпоха Петра I

Читателю

Аннотация:

Книга является продолжением серии Игра в Историю. Первый том четвёртой книги посвящён эпохе правления первого российского императора, начиная с момента венчания на царство малолетнего Петра и его старшего брата Ивана.

Постепенно перед читателем развёртывается картина взросления Петра как монарха и одновременного роста могущества руководимого им государства.

Ключевые слова:

Пётр I; Ивана V; царевна Софья; Великая Северная война; Российско-турецкая война; Русско-иранская война; освоение Дальнего Востока; русский флот; Санкт-Петербург

Начало царствования Петра I и Ивана V

Рис. 1. Символы царской власти Московского царства

Царствование династии Романовых началось совсем неудачно. И страна была разорена и слаба, и цари были молоды и неопытны, да и вообще в то время Фортуна «повернулась к стране спиной», тем не менее, не без труда, и не без усилий выстояло Московское царство, укрепились, расширились.

Второй царь династии Алексей Михайлович скончался в Москве в возрасте, когда ему было почти 47 лет (29 января) 8 февраля 1676 года. Престол он передал старшему сыну Фёдору Алексеевичу, но и тот был малолетним. Из-за отсутствия опыта государственного управления, болезненности царя, да, к тому же, и поговаривали, что царь был не слишком умён, управление государством снова оказалось в руках небольшого круга избранных и приближённых к царю людей – патриарха Иоакима, воеводы Ивана Милославского, боярина Артамона Матвеева. Прощаивав таким образом царь Фёдор Алексеевич скончался не оставив после себя наследников.

Но у его отца Алексея Михайловича Романова было 16 детей, так что наследники престола формально были, но все неподходящие, да и к тому же от двух матерей, за каждой из которых стояла своя боярская группа поддержки и влияния. Фактически дочери царя в качестве правящих цариц не рассматривались, не принято это было тогда в Московском царстве. Женщина должна молчать, рожать детей и не совать нос в государственные дела – вот такая была общая установка. Итак, если девиц в расчёт не принимать, то претендентов на царский престол оставалось двое – двое мальчишек от разных жен: 16-летний Иван и 10-летний Петр.

Доверить трон Ивану было никак нельзя. Царевич с рождения страдал тяжелыми болезнями. Он едва мог ходить и почти не говорил. Ну а Петр был еще просто ребенком, хоть и весьма бойким.

Рис. 2. «Бунт стрельцов» Н.Д.Дмитриев-Оренбургский, 1862

На похоронах несчастного Фёдора Алексеевича стрельцы вели себя тихо и мирно. Но на следующий день вдруг прозрели. Разнёсся слух, будто Петра незаконно посадили на престол его родственники Нарышкины, а брат молодой царицы, Иван Кириллович, якобы примерял шапку Мономаха и при этом хвастал, что никому она так не идёт, как ему. Поговаривали также, что Нарышкин, желая избавить племянника от конкурента, задушил царевича Ивана. Наталья Кирилловна поспешила предъявить Ивана Алексеевича бунтовщикам, но было поздно. Беспремонность стоила боярину Нарышкину жизни.

Смерть боярина несколько охладила пыл стрельцов. Страсти поутихли. Да и патриарх Иоаким предложил компромисс: Иван и Пётр будут венчаны на царство оба, а их сестра Софья станет правительницей, пока братья не повзрослеют.

В конечном итоге короновали их обоих, при этом регентом при недееспособных царях назначили старшую сестру – 25-летнюю Софью.

Для нестандартной парной коронации, которая состоялась летом 1682 года в Успенском соборе Московского Кремля, была изготовлена вторая шапка Мономаха – на голову младшего царевича Петра. Ещё один памятник этого двоецарствия – невиданный двухместный трон, по сей день хранящийся в Оружейной палате. Во время коронации Софья стояла позади двойного трона и шепотом говорила братьям, что нужно делать. Для того, чтобы было лучше слышно, в спинке трона вырезали довольно большое окошко.

Рис. 3. Юные цари ведут прием вместе со старшей сестрой

Софья тоже очень хотела получить корону, это было бы справедливо. Но русское общество XVII века было не готово официально отдать престол женщине при наличии сразу двух царей-мужчин. Так что Софья осталась в истории как первая некоронованная государыня, «серый кардинал» в кокошнике. Свои дни она закончила в Новодевичьем монастыре, куда ее сослал Петр за сговор со стрельцами – Софья не раз пыталась устроить переворот, чтобы отнять власть у братьев.

Рис. 4. Иван V Алексеевич

Пётр терпеть не мог суровую сводную сестру. А вот к бедному Ивану относился вполне дружелюбно. Называл его «государь братец», иногда писал ему письма. Ивана трудно было ненавидеть – был он тихим и несчастным. На официальные мероприятия часто надевал зелёную вуалевую повязку, скрывающую печальное лицо и тяжёлые сонные веки.

Вот как описывает царский прием немецкий путешественник Энгельберт Кэмпфер: *«Оба их Величества сидели на двух серебряных Епископских креслах, поставленных на возвышенном в несколько ступеней рундуке, который так, как и вся сия часть залы, обложен был красным сукном. Над каждый креслом повешена была икона Старший сидел почти неподвижно с потупленными, совсем почти закрытыми глазами, опуценною низко шапкою Младший, напротив того, взирал на всех с открытым прелестным лицом, на коем при обращении к нему речи беспрестанно играла кровь юношества, дивная его красота пленяла всех предстоящих, так что если б это была простого состояния девица, а не царская особа, то без сомнения все бы должны влюбиться в нее».*

Рис. 5. Царица Прасковья

Интересно рассказывает о ней дореволюционный историк Михаил Семевский: *«Много говорить о воспитании царицы Прасковьи нам не приходится; то не было воспитание, а питание: ее выкормили полною, статною, с высокою грудью, открытым лицом и длинною косою; затем выучили довольно плохо русской грамоте (она и впоследствии, как мы увидим, не была мастерица писать); остальное же довершили семейные предания и обычаи. Она выросла в предрассудках и суеверии; верила колдунам, чудесам, вещунам и строго выполняла пустые обряды, не вникая в их сущность и значение Царица занималась только своим «женским» делом, пересматривала полотна, скатерти и другие вещи, доставляемые из слобод, работавших на дворец; заведовала рукоделиями своих мастериц в светлицах, где производились всякие*

работы, даже шились куклы царским детям. Нередко и сама царица вышивала золотом и шелками в церкви и монастыри, изготавливала некоторые предметы из платья себе, государю и детям: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца».

Рис. 6. Измайлово – любимая резиденция Ивана и его супруги Прасковьи

6 января 1696 года Иван ходил «за крестами» из Успенского собора на иордань, устроенную на Москве-реке. День был чрезвычайно теплый, совершенно весенний, был дождь и молния; царь был с непокрытой головой (А вот этого быть не могло, вплоть до начала XX века с непокрытой головой не ходили не только цари, но и бродяги, только самые пропащие люди могли позволить себе такую роскошь), промочил ноги и сильно простудился. 29 января он скончался – за семь лет до основания Петербурга. Иван стал последним русским царем, который нашел упокоение в древней Москве, в Архангельском соборе Кремля.

Рис. 7. Иван и Петр, два брата-царя

Вместе с Иваном исчез и образ благочестивого, понятного царя. Россия осталась один на один с великим реформатором. Из диарха Петр превратился в монарха.

Вообще диархия – это настолько редкая форма правления, что ее можно назвать экзотической. Двоевластие практиковалось в Спарте, в Древнем Риме. В современности диархов можно увидеть, например, в Сан-Марино, где правят два капитана-регента.

В истории России случай с Петром и Иваном является единственным примером диархии. Ну как тут не вспомнить про российского двуглавого орла! Летописцы XVII века так и сооб-

щали, нахваливая саму идею двух царей на одном троне: *«А и в наступлении на российское благочестивое государство коего-либо неприятеля всюду готовая будет оборона и правление чинное: аще убо един царь противу неприятеля изыдет, другой в царстве своем на престоле царском имать пребывати, и всякое благоразсудство стяжати имать российское государство во всем»*.

Самодержцем всея Руси Иван Алексеевич был неполные четырнадцать лет. Однако как при Софье, так и при Петре, правление его было лишь формальным: государственных дел он не касался, документы подписывал, не вдумываясь в их суть, дворцовым церемониям предпочитал непрестанную молитву и твёрдый пост.

Дело в том, что с раннего детства Иван был немощным, подслеповатым ребёнком, часто болел. К тридцати годам он скорее походил на дряхлого старика, нежели на молодого и жизнерадостного государя. Однако обвинять в слабоумии Ивана V нельзя. Лично знавший его В.Татищев утверждал, что тот «был ума изрядного». Но уже в возрасте 27 лет Иван Алексеевич почти не мог ходить и очень плохо видел. То есть его отстранённость от государственных дел объясняется не слабоумием, а плохим здоровьем. В результате все дела он вначале перепоручил той же Софье, а потом – брату Петру, который, кстати, на словах, признавал его «старшим царём», обращаясь к нему в письмах:

«Мой государь превозлюбезный, батько и брат, царь Иоанн Алексеевич, истинно всего государства своего повелитель.»

И писал в 1689 году:

«Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшей пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов.»

Обратите внимание: Ивана Пётр называет отцом, а в те времена это однозначно рассматривалось всеми как признание главенствующего положения адресата и собственного подчинённого положения по отношению к нему. Согласитесь, вряд ли крайне самолюбивый и нетерпимый Пётр I обращался бы с таким почтительным «политесом» к абсолютно ничтожному и слабоумному брату.

Стрелецкий бунт - Хованщина

Рис. 8. Стрельцы выволакивают из дворца Ивана Нарышкина. Пока Пётр утешает мать, царевна Софья наблюдает с удовлетворением. Картина А.И.Корзухина, 1882 г.

27 апреля (7 мая) 1682 года скончался царь Фёдор. Потомства он не оставил. Его преемником мог стать Иван или Пётр. Формально преимущество было у Ивана, как старшего из наследников. Однако его кандидатуру отверг Освященный собор и Боярская дума, а затем и стихийное вече – толпа людей, собравшаяся перед Передней палатой по случаю смерти царя. Приверженцев Петра оказалось в толпе больше, и кричали они громче.

Современник событий Борис Куракин, автор «Гистории о царе Петре Алексеевиче», отмечал:

«стало быть несогласие как в боярах, так и в площадных: одни – одного, а другие – другого и по многим несогласии того же дня избрали царем Петра Алексеевича».

Нарышкины (Нарышкины – родственники второй жены умершего Алексея Михайловича – Натальи Кирилловны Нарышкиной) немедленно начали пользоваться новым положением. Пять братьев царицы Натальи были пожалованы в спальники. Молодой спальник Иван Кириллович через несколько дней был пожалован боярским чином, минуя чины думного дворянина и окольничего. К сожалению, ни братья царицы, ни её отец, не отличались государственной мудростью и практической хваткой, чтобы быстро закрепить лидирующие позиции. Единственной надеждой Нарышкиных был Артамон Матвеев, воспитатель царицы. Но ему ещё требовалось вернуться из ссылки и войти в курс дела.

Естественно, что это не устраивало Милославских (Милославские – родственники первой жены умершего Алексея Михайловича – Мария Ильинична Милославская). Они утратили бы привилегированное положение при дворе, должности и доходы. Иван Милославский и царевна Софья отличались активностью, и не желали безропотно подчиниться судьбе. Быстро обнаружилась и сила, которую можно было использовать для восстановления и укрепления своих позиций, и этой силой были стрельцы.

Стрелецкие полки (в столице их было 20) размещались с семьями в стрелецких слободах в Москве. Они комплектовались из детей стрельцов и их родственников, а вообще из незакрепощённых людей. Служба была пожизненной, жалование небольшим. Но стрельцам разрешалось вести хозяйство, ремесло и торговлю. Некоторые стали богатыми людьми. Стрелецкие низы подрабатывали наймом, в том числе у своих разбогатевших родственников, братьев. При этом стрельцы, в отличие от посадского населения, были освобождены от разнообразных налогов и повинностей.

Экономическая деятельность привела к снижению боеспособности стрелецкого войска. Они были привязаны к своим хозяйствам, промыслам, лавкам и неохотно покидали столицу, отрывались от семейных очагов. Начинали выражать недовольство, если отлучки были продолжительными.

В столице стрельцы выполняли охранные функции при царском дворе и были своего рода полицией. Во время Медного бунта 1662 года они утопили недовольство москвичей в крови. При Алексее Михайловиче, который отличался большой религиозностью, стрельцы стали привилегированной царской гвардией. Они сопровождали царя в религиозных поездках, на богомолье, получали щедрые подарки деньгами или продовольствием. Многочисленные праздники царь отмечал подарками стрельцам. Также были укреплены их привилегии в занятиях торговлей и различными промыслами.

Смерть царя Алексея резко ухудшила положение стрельцов. Правительству стало не до них. Был упразднён Приказ тайных дел, который в основном занимался тем, что снабжал стрельцов мясом, мукой, сухарями и напитками из дворцовых вотчин. Начались проблемы с выдачей основного жалования деньгами и продовольствием. Также ухудшилась ситуация с управленцами, отцами-командирами. Царь Фёдор почти не покидал своих покоев, государственными делами не интересовался. Страной стали править люди, которые интересовались лишь укреплением личной власти и обогащением. Должность рассматривалась как источник дохода за счёт ограбления казны либо подчиненных. Командиры полков стали присваивать жалование стрельцов, вымогали взятки за освобождение от службы, устраивали побои, использовали рядовых стрельцов как крепостных крестьян и т.д.

Стрельцы решили использовать момент вступления на престол нового царя, и 30 апреля (10 мая) 1682 года обратились к правительству с жалобой на полковника Семёна Грибоедова. В обычных условиях такая жалоба могла иметь для стрельцов негативные последствия. Полковника бы, видимо, наказали, но и стрельцы бы не избежали палок. Но трон занимал десятилетний ребенок, а Наталья Кирилловна не отличалась государственными способностями и решительностью. Опытных советников у неё ещё не было. Матвеева освободили, но он прибыл в Москву только 12 (22) мая.

Поэтому требования стрельцов полностью удовлетворили: Грибоедова отстранили от командования, подвергли наказанию батогами, наложили штраф в пользу стрельцов, его вотчины изымались. Одна уступка повлекла новые. Стрельцы остальных 19 полков выдвинули свои требования. Их полковников также отстранили от командования, их били кнутами и батогами, отправили в тюрьму, наложили большие штрафы, имения отняли. Это показало полную беспомощность власти, стрельцы почувствовали себя хозяевами положения.

Милославские решили этим воспользоваться. Они развили бурную деятельность. По словам историка С.М.Соловьёва, они буквально «кипятили заговор». По ночам в усадьбе Милославских собирались стрелецкие головы. Из покоев царевны Софьи её посланцы разъезжали по слободам. Денег и вина на подкуп стрельцов не жалели.

Прибыв в Москву, Матвеев просто не успел за два дня укрепить позиции нарышкинской «партии». В полдень 15 (25) мая 1682 года по зову набата, с развёрнутыми знаменами к Кремлю выдвинулись вооруженные стрелецкие полки. Они ворвались в Кремль, где не успели принять мер для его обороны. Поводом для мятежа стали слухи о том, что Нарышкины «извели» царе-

вича Ивана. Их распространяли сторонники Милославских, в том числе Пётр Толстой и его брат Иван. Позже оба станут «птенцами гнезда Петрова», но пока они возмущали народ против Нарышкиных.

Царица вместе с патриархом и боярами вышла на Красное крыльцо с царевичами Иваном и Петром. Внизу бушевала вооруженная толпа. Убедившись, что ничего плохо с царевичами не произошло, стрельцы должны были разойтись по домам. Но заговорщики, бывшие среди стрельцов, подбросили им идею об «изменниках-боярах», которых надо уничтожить. В это время руководители Стрелецкого приказа – отец и сын Юрий и Михаил Долгорукие, приказали стрельцам вернуться в места дислокации, угрожая наказаниями. Они и стали первыми жертвами разъярённых и пьяных стрельцов. Некоторые из них взобрались на крыльцо, схватили Михаила Долгорукова и бросили его на копья. На растерзание бросили и других бояр – Матвеева, И.Языкова, стольника Ф.Салтыкова, брата царицы Афанасия, думного дьяка Лариона Иванова и др.

Волнения, подстёгиваемые Милославскими, продолжались и далее. 16 (26) мая стрельцы потребовали выдать им Ивана Нарышкина. Иван Кириллович со своим отцом, с младшими своими братьями и с сыном Матвеева прятался в царском дворце. Царевна Софья поддержала это требование:

«Брату моему не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем из-за него».

17 мая царице пришлось пожертвовать братом. Того сначала отвели в застенки Константиновской башни, там пытали, добиваясь признания в измене. Иван Кириллович выдержал пытку, его вывели на Красную площадь и порубили на куски. Затем казнили царского доктора немца фон Гадена, которого обвинили в отравлении царя Фёдора.

Милославские хотели известить род Нарышкиных. Стрельцам подсказали новые требования. 18 (28) мая в челобитной на имя Петра стрельцы потребовали, чтобы его дед, Кирилл Полиектович, был пострижен в монахи и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Через два дня новое требование – выслать из Москвы всех оставшихся Нарышкиных. Всех родственников царя сослали по разным краям, одних отправили на Север, других – на Яик и Терек.

В результате род Нарышкиных был разгромлен: одних убили, других сослали, их имущество, имения конфисковали. Милославским осталось закрепить победу юридически. 23 мая (2 июня) стрельцы потребовали, чтобы страной управляли оба брата, 26 мая (5 июня) – чтобы первым царем считался старший Иван Алексеевич. Серию челобитных закрепило требование о том, чтобы по случаю малолетства царей страной правила их старшая сестра Софья.

Правда, Софья и её окружение совершили роковую ошибку. Чтобы закрепить победу, нужно было ликвидировать «знамя» возможной будущей оппозиции – Петра. Так делали во время дворцовых переворотов XVIII века. Однако Милославские этого не сделали, возможно, в силу православных традиций. Что в итоге привело к их поражению.

Рис. 9. Василий Перов. Никита Пустосвят. Спор о вере («прения о вере»). 1880 – 1881

6 (16) июня 1682 года стрельцы подали новую челобитную и добились оценки своих расправ как справедливых казней «изменников». Это было закреплено царской жалованной грамотой, текст которой был помещён на памятном столбе, стоявшем на Красной площади до ноября. Кроме того, стрельцов теперь нельзя было называть «поносными словами», изменниками и бунтовщиками. Стрелецкие полки получили новое название – надворная пехота, что подчёркивало их привилегированное положение в армии.

Среди стрельцов было много сторонников старых обрядов. В столицу на фоне смуты пришло много старообрядцев, они агитировали в полках за возврат к старой вере. Лидером противников официальной церкви был суздальский священник Никита Добрынин по прозвищу Пустосвят. Хованский поддержал идею устроить диспут между никонианами и староверами. Правительство отказалось от открытого спора на площади, где толпа может выступить против власти.

5 июля 1682 года в Грановитой палате Московского Кремля состоялся «спор о вере», проходивший в присутствии царевны Софьи Алексеевны и патриарха Иоакима. Спор свёлся к обвинениям в ереси и невежестве, к ругани и едва не перерос в драку. Старообрядцы покинули палату и объявили народу о своей победе. Софья смогла призвать стрельцов к порядку, угрожая покинуть столицу и обратиться ко всему народу. Стрельцы отступились от старообрядцев. Пустосвята казнили, других проповедников смог отстоять Хованский.

Долго такое положение продолжаться не могло. Софья была человеком умным и быстро смогла найти управу на стрельцов. 20 августа 1682 года под предлогом участия в крестном ходе Софья со всей царской семьёй (оба царя, обе вдовствующие царицы – Наталья и Марфа, и восемь царевен) покинула столицу и под охраной стольников прибыла в царское поместье – село Коломенское. От имени царей Софья обратилась к дворянам с призывом срочно собираться у Троице-Сергиева монастыря. Начался сбор ополчения. В сентябре царская семья переехала в село Воздвиженское на Ярославской дороге, около Троице-Сергиевого монастыря. Под предлогом торжественной встречи малороссийского гетмана Ивана Самойловича

Софья от имени царей предложила боярам, стольникам и дворянам московским прибыть в Воздвиженское. Указ о явке в Воздвиженское получил и князь Хованский.

Хованский с сыном Андреем отправились в Воздвиженское, видимо, планируя договориться с Софьей. Но Хованских схватили, обвинили в желании извести царей и казнили. Сначала стрельцы под влиянием слухов о том, что бояре идут в Москву избивать их, схватились за оружие. Их возглавили младший сын казнённого Хованского – Иван, и племянник князя. Были выставлены караулы, связь Воздвиженского с Москвой прервали. Но у стрельцов не было сильных вождей и союзников, они не смогли выдвинуть программу, которая привлекла бы к ним народ. Утратив инициативу и возможность давить на правительство, не имея вождей, стрельцы были деморализованы и сами стали просителями. Они начали посылать царевне одну челобитную за другой, клялись в верности, умоляя о пощаде. Выдали младшего сына Хованского – Ивана, который был отправлен в ссылку. Посредническую миссию между стрелецкими полками и правительством выполнял патриарх Иоаким.

Вечный мир Московского царства с Речью Посполитой 1686 г.

Рис. 10. Русский экземпляр договора России и Речи Посполитой о «Вечном мире»

Польша была старым врагом Российского государства, но в этот период для Польши более сильной угрозой для стала Османская Порта. Варшава неоднократно делала попытки заключить с Россией союз против Османской империи.

В этот период времени между Московским царством, Османской империей и её вассалом Крымским ханством был заключён бахчисарайский мирный договор, однако взяв на себя обязательства по отношению к России, и получив возможность активизировать свою агрессию против других европейских государств, направив против них освободившиеся вооруженные силы турецкий султан не исполнил взятых на себя обязательств. Нескоординированность его политики с действиями крымских татар привела к тому, что татары проникали на украинские и русские земли с разорительными набегами. Хотя султан клялся «*страшною и крепкою клятвою именем сотворявшего небо и землю*» не нарушать условий Бахчисарайского перемирия, закрепленного в следующем году Константинопольским мирным договором, агрессивные действия крымцев вынудили Россию искать союзников против Турции. Тем не менее, неоднократные переговоры по этому вопросу не имели результата. Одной из важнейших причин этого было сопротивление Речи Посполитой русскому требованию окончательно отказаться от Киева и некоторых других территорий. С возобновлением в 1683 г. войны с Портой Польша, в союзе с которой были Австрия и Венеция, развила бурную дипломатическую деятельность с

целью привлечения России к антитурецкой лиге. В итоге Россия вошла в антитурецкий союз, что привело к началу русско-турецкой войны 1686 – 1700 гг.

Страны Священной лиги прекращали войны между собой и вступали в координированную борьбу с Турцией, таким образом, Русское государство окончательно закрепило за собой часть западнорусских земель и аннулировало предварительные договоры с Османской империей и Крымским ханством, вступив в антитурецкую Священную лигу, а также обязывалось организовать военный поход против Крымского ханства. Это послужило началом русско-турецкой войны 1686 – 1700 гг., походам Василия Голицына на Крым и Петра на Азов. Кроме того, заключение «Вечного мира» стало основой русско-польского союза в Северной войне 1700–1721 годов.

Вернёмся на один век назад и посмотрим как развивались события.

Речь Посполитая, в период кризиса Руси, захватила огромные западно- и южнорусские области. Кроме того, Русское государство и Польша упорно боролись за лидерство в Восточной Европе. Важнейшей задачей Москвы было восстановление единства русских земель и разделённого русского народа. Ещё во времена правления Рюриковичей Русь вернула часть ранее утраченных территорий. Однако Смута в начале XVII в. привела новым территориальным потерям. В результате Деулинского перемирия 1618 г. Русское государство утратило отбитые у Великого княжества Литовского в самом начале XVI в. Чернигов, Смоленск и другие земли. Попытка отвоевать их в Смоленской войне 1632 – 1634 гг. к успеху не привела. Ситуацию усугубляла антирусская политика Варшавы. Русское православное население Речи Посполитой подвергалось этнической, культурной и религиозной дискриминации со стороны польской и ополяченной шляхты. Основная масса русских в Речи Посполитой была практически на положении рабов.

В 1648 г. в западнорусских областях началось восстание, которое переросло в народно-освободительную войну. Его возглавил Богдан Хмельницкий. Восставшие, состоявшие преимущественно из казаков, а также мещан и крестьян, одержали ряд серьёзных побед над польской армией. Однако без вмешательства Москвы восставшие были обречены на поражение, так как Речь Посполитая имела огромный военный потенциал. В 1653 году Хмельницкий, обратился к России с просьбой о помощи в войне с Польшей. 1 октября 1653 года Земский собор принял решение удовлетворить просьбу Хмельницкого и объявил войну Речи Посполитой. В январе 1654 года в Переяславе состоялась знаменитая Рада, на которой запорожское казачество единодушно высказалось за вхождение в состав Русского царства. Хмельницкий перед лицом русского посольства принёс присягу на верность царю Алексею Михайловичу.

Война началась успешно для России. Она должна была решить давно стоявшую национальную задачу – объединение всех русских земель вокруг Москвы и восстановление Русского государства в его прежних границах. К концу 1655 года вся Западная Русь, кроме Львова, оказалась под контролем русских войск и боевые действия были перенесены непосредственно на этническую территорию Польши и Литвы. Кроме того, летом 1655 г. в войну вступает Швеция, войска которой захватили Варшаву и Краков. Речь Посполитая оказалась на грани полной военно-политической катастрофы. Однако Москва совершает стратегическую ошибку. На волне головокружения от успехов, московское правительство решило вернуть земли, которые у нас во время Смуты захватили шведы. Москва и Варшава заключили Виленское перемирие. И 17 мая 1656 года русский царь Алексей Михайлович объявил Швеции войну.

Первоначально русские войска добились некоторых успехов в борьбе со шведами. Но в дальнейшем война велась с переменным успехом. Кроме того, возобновилась война с Польшей и в 1657 г. умер Хмельницкий. Частично ополяченная казацкая старшина тут же начала вести «гибкую» политику, предавая интересы народных масс. Гетман Иван Выговский перекинулся на сторону поляков и Россия столкнулась с целой вражеской коалицией – Речь Посполитая, казаки Выговского, крымские татары. Вскоре Выговского сместили, и его место занял сын

Хмельницкого Юрий, который сначала выступил на стороне Москвы, а затем принес присягу на верность польскому королю. Это привело к расколу и борьбе среди казаков. Одни ориентировались на Польшу или даже Турцию, другие – на Москву, третьи – воевали за себя, создавая воровские отряды. В результате Западная Русь стала полем кровавой битвы, которая полностью опустошила значительную часть Малой России. Со Швецией в 1661 г. был заключён Кардисский мирный договор, который устанавливал границы, предусмотренные Столбовским миром 1617 г. То есть война со Швецией только распылила силы России и была проведена впустую.

А война с Польшей шла с переменным успехом. Россия уступила ряд позиций в Белоруссии и Малороссии. На южном фронте поляков поддерживали предатели-казаки и крымская орда. В 1663 – 1664 гг. состоялся большой поход польской армии во главе с королем Яном-Казимиром при поддержке его отрядами крымских татар и правобережными казаками на Левобережную Малороссию. Согласно стратегическому плану Варшавы главный удар наносила польская армия, которая вместе с казаками правобережного гетмана Павла Тетери и крымскими татарами, захватив восточные земли Малороссии, должна была наступать на Москву. Вспомогательный удар наносила литовская армия Михаила Паца.

Пац должен был взять Смоленск и соединиться с королем в районе Брянска. Однако поход, который начался успешно, провалился. Ян-Казимир потерпел тяжелое поражение.

Но и в самой России начались проблемы – экономический кризис, Медный бунт, Башкирское восстание. У Польши положение было не лучше. Речь Посполитая была опустошена и ослаблена войнами с Россией и Швецией, набегами татар и различных банд. Материальные и людские ресурсы двух великих держав были исчерпаны. В результате в конце войны сил в основном хватало только на небольшие стычки и бои местного значения как на северном, так и на южном театре военных действий. Большого значения они не имели, кроме поражения поляков от русско-казацко-калмыцких войск в битве под Корсунем и в битве под Белой Церковью. Истощением обеих сторон воспользовалась Порты и Крымское ханство. Правобережный гетман Пётр Дорошенко поднял мятеж против Варшавы и объявил себя вассалом турецкого султана, что привело к началу польско-казацко-турецкой войны 1666 – 1671 гг.

Обескровленная Польша проиграла османам и подписала Бучачский мир, согласно которому поляки отказывались от Подольского и Брацлавского воеводств, а южная часть Киевского воеводства отходила правобережным казакам гетмана Дорошенко, который был вассалом Порты. Более того, ослабленная в военном отношении Польша обязывалась выплачивать дань Турции. Оскорбленная гордая польская элита не приняла этот мир. В 1672 г. началась новая польско-турецкая война (1672 – 1676). Польша снова потерпела поражение. Однако Журавенский договор 1676 г. несколько смягчал условия предыдущего, Бучачского мира, отменив требование выплаты Речью Посполитой ежегодной дани Османской империи. Речь Посполитая уступала османам Подолию. Правобережная Украина-Малороссия за исключением Белоцерковского и Паволочского округов, переходила под власть турецкого вассала – гетмана Петра Дорошенко, став, таким образом, османским протекторатом. В итоге для Польши Порты стала более опасным врагом, чем Россия.

В результате, истощение ресурсов для ведения дальнейших военных действий, а также общая угроза со стороны Крымского ханства и Турции заставили Речь Посполитую и Россию пойти на переговоры о мире, которые начались в 1666 году и завершились подписанием Андрусовского перемирия в январе 1667 года. Русскому государству отходил Смоленск, а также земли, ранее доставшиеся Речи Посполитой в период Смутного времени, в том числе Дорогобуж, Белая, Невель, Красный, Велиж, Северская земля с Черниговом и Стародубом. Польша признала за Россией право на Левобережную Малороссию. Согласно договору Киев временно на два года переходил Москве (России, впрочем, удалось оставить Киев себе). Запорожская Сечь переходила под совместное управление России и Речи Посполитой. В результате Москва смогла отбить только часть исконных русских земель, что стало следствием управленческих

и стратегических ошибок русского правительства, в частности, ошибкой была война со Швецией, что распылило силы русской армии.

Итак, на рубеже XVII – XVIII вв. два старых противника – Россия и Польша, встали перед необходимостью координации действий в условиях усиления двух мощных врагов – Турции и Швеции в Причерноморье и Прибалтике. При этом и Россия, и Польша имели давние стратегические интересы в этих регионах. Однако для успехов на этих стратегических направлениях необходимо было объединить усилия и провести внутреннюю модернизацию, прежде всего вооруженных сил и государственного управления, чтобы успешно противостоять таким сильным врагам как Османская империя и Швеция. Ситуация усугублялась кризисными явлениями во внутреннем устройстве и внутренней политике и Речи Посполитой, и России. Стоит отметить, что польская элита так и не смогла выйти из этого кризиса, который завершился полной деградацией государственной системы и разделами Речи Посполитой (произошла ликвидация польского государства). Россия же смогла создать новый проект, который привёл к появлению Российской империи, которая в итоге решила основные задачи и в Прибалтике, и в Причерноморье.

Уже первые Романовы стали всё больше смотреть на Запад, перенимать достижения военного дела, науки, а также элементы культуры. Царевна Софья продолжила эту линию. После смерти бездетного царя Фёдора Алексеевича, бояре Милославские во главе с Софьей организовали Стрелецкий бунт. В результате 15 сентября 1682 года царевна Софья, дочь царя Алексея Михайловича, стала регентшей при малолетних братьях Иване и Петре. Власть братьев практически сразу стала номинальной. Иван Алексеевич был с детства болезненным и неспособным к управлению государством. Пётр был мал, и царица Наталья с сыном Петром переехала в Преображенское, чтобы уберечь себя от возможного удара.

Царевна Софья в исторической научно-популярной и художественной литературе часто представлена в образе этаким бабищи. Однако это явный наговор. К власти она пришла в 25 лет, и портреты доносят до нас образ несколько полноватой, но миловидной женщины. Да и будущий царь Пётр описывал Софью как человека, которого *«можно было бы считать как в телесном, так и умственном отношении совершенством, если бы не её безграничное честолюбие и ненасытная жажда власти»*.

Софья имела нескольких фаворитов. Среди них выделялся князь Василий Васильевич Голицын. Он получил под начало Посольский, Разрядный, Рейтарский и Иноземный приказы, сосредоточив в своих руках огромную власть, контроль над внешней политикой и вооружёнными силами. Получил титул *«Царственныя большия печати и государственных великих посольских дел сберегатель, ближний боярин и наместник новгородский»* (фактически главы правительства). Руководство Казанским приказом получил двоюродный брат В.В.Голицына – Б.А.Голицын. Стрелецкий приказ возглавил Фёдор Шакловитый. Выходец из брянских детей боярских, обязанный своему возвышению только Софье, был безгранично ей предан (возможно, как и Василий Голицын, был её любовником). Был возвышен Сильвестр Медведев, став советником царицы по религиозным вопросам (с патриархом Софья была в холодных отношениях). Шакловитый был «верным псом» царицы, а вот практически всё государственное управление было возложено на Василия Голицына.

Голицын был западником того времени. Князь преклонялся перед Францией, был настоящим франкофилом. Московская знать того времени начала всячески подражать западному дворянству: сохранялась мода на польские наряды, вошёл в моду парфюм, началось повальное увлечение гербами, высшим шиком считалось приобрести иностранную карету и пр. Первым среди таких дворян-западников был Голицын. Знатные люди и богатые горожане, беря пример с Голицына, стали возводить дома и дворцы западного типа. В Россию были допущены иезуиты, канцлер Голицын часто проводил с ними закрытые совещания. В России разрешили католическое богослужение – в Немецкой слободе была открыта первая католическая церковь.

Голицын стал отправлять молодежь на учёбу в Польшу, в основном, в Краковский Ягеллонский университет. Там учили не техническим или военным дисциплинам, необходимым для развития Русского государства, а латыни, богословию и юриспруденции. Такие кадры могли пригодиться в преобразовании России по западным стандартам.

Наиболее активно Голицын отметился во внешней политике, так как во внутренней политике консервативное крыло было слишком сильным, да и царица сдерживала реформаторский пыл князя. Голицын активно вёл переговоры с западными странами. А в этот период чуть ли не главным делом Европы была война с Османской империей. В 1684 году император Священной Римской империи, король Чехии и Венгрии Леопольд I прислал в Москву дипломатов, которые стали взывать к «братству христианских государей» и пригласили Русское государство вступить в Священную лигу. Этот союз состоял из Священной Римской империи, Венецианской республики и Речи Посполитой и противостоял Порте. Аналогичное предложение Москве поступило и от Варшавы.

Однако война с сильной Турцией тогда не отвечала национальным интересам России. Польша была нашим традиционным врагом и ей по-прежнему принадлежали огромные западнорусские территории. Австрия не была страной, за которую нашим солдатам стоило проливать кровь. Со Стамбулом только в 1681 году был заключён Бахчисарайский мирный договор, который устанавливал мир на 20-летний срок Османы признали за Русским государством Левобережную Украину, Запорожье и Киев. Москва значительно укрепила свои позиции на юге. Турецкий султан и крымский хан обязались не помогать врагам русских. Крымская орда обязалась прекратить набеги на русские земли. К тому же, Порта не воспользовалась чередой смут на Руси, борьбой за власть в Москве. России в тот период было выгоднее не ввязываться в прямой бой с Портой, а ждать её ослабления. Земель для освоения было более чем достаточно. Лучше было сосредоточиться на возвращении исконных русских территорий на западе, воспользовавшись ослаблением Польши. Кроме того, западные «партнёры» традиционно хотели использовать русских как пушечное мясо в борьбе с Турцией и получить с этого противостояния все выгоды.

Голицын же с радостью воспринял появившуюся возможность вступить в союз с «прогрессивными западными державами». Западные державы обратились к нему, звали в друзья. Поэтому московское правительство выставило только одно условие за вступление в Священный союз, чтобы Польша подписала «вечный мир». Правда, польские паны с негодованием отвергли это условие – они не хотели навсегда отказываться от Смоленска, Киева, Новгорода-Северского, Чернигова, Левобережной Украины-Малороссии. В результате Варшава сама отталкивала Россию от Священной лиги. Переговоры продолжались весь 1685 год. Кроме того, в самой России также были противники этого союза. Против участия в войне с Портой выступали многие бояре, которые опасались длительной войны на истощение. Против союза с Польшей был гетман Войска Запорожского Иван Самойлович. Малороссия только несколько лет прожила без ежегодных набегов крымских татар. Гетман указывал на вероломство поляков. По его мнению, Москва должна была заступиться за русских, православных христиан, которые подвергались гнёту в польских областях, отбить у Речи Посполитой русские исконные земли – Подолье, Волынь, Подляшье, Подгорье и всю Червоную Русь. Против войны с Портой был и патриарх Московский Иоаким. В то время решался важный для Украины-Малороссии религиозный и политический вопрос – киевским митрополитом был избран Гидеон, он был утверждён Иоахимом, теперь требовалось согласие Константинопольского патриарха. Это важное для церкви мероприятие могло быть сорвано в случае ссоры с Портой. Однако все доводы Самойловича, Иоакима и других противников союза с поляками, папой римским и австрийцами были отмечены.

Рис. 11. Князь Василий Голицын

В начале 1686 года в Москву прибыло огромное польское посольство, почти в тысячу человек, во главе с познанским воеводой Кшиштофом Гжимултовским и литовским канцлером Марцианом Огиньским. Россию в переговорах представлял князь В.В.Голицын. Поляки первоначально снова стали настаивать на своих правах на Киев и Запорожье. Но в итоге уступили.

Договорённости с Речью Посполитой удалось достичь только в мае. 16 мая 1686 года был подписан Вечный мир. По его условиям Польша отказывалась от притязаний на Левобережную Украину, Смоленск и Чернигово-Северскую землю с Черниговом и Стародубом, а так же от контроля Киева, Запорожья. Поляки получали за Киев компенсацию в 146 тыс. рублей. В составе Речи Посполитой оставались Северная Киевщина, Волынь и Галичина. Нейтральной

территорией между Речью Посполитой и Царством Русским должна была стать Южная Киевщина и Брацлавщина с рядом городов (Канев, Ржищев, Трахтемиров, Черкассы, Чигирин и др.), т.е. земли, сильно опустошённые за годы войны. Россия разрывала договоры с Османской империей и Крымским ханством, вступала в союз с Польшей и Австрией. Москва обязывалась через своих дипломатов содействовать вступлению в Священную лигу – Англии, Франции, Испании, Голландии, Дании и Бранденбурга. Россия обязалась организовать походы против Крыма.

«Вечный мир» пропагандировался в Москве как величайшая дипломатическая победа России. Князь Голицын, заключивший этот договор, был осыпан милостями, получил 3 тыс. крестьянских дворов. С одной стороны, успехи были. Польша признала за Россией ряд её территорий. Появилась возможность усилить позиции в Причерноморье, а в перспективе и в Прибалтике опираясь на поддержку Польши. Кроме того, договор был выгоден лично Софье. Он помогал утвердить её статус, как полновластной царицы. Во время шумихи, поднятой по поводу «вечного мира», Софья присвоила себе титул *«Всея великия и иных Россий Самодержца»*. А успешная война могла ещё больше усилить позиции Софьи и её группировки.

С другой стороны, московское правительство позволило втянуть себя в чужую игру. Война с Турцией и Крымским ханством в тот период была не нужна России. Западные «партнёры» использовали Россию. России пришлось начать войну с сильным врагом, да ещё и заплатить большие деньги Варшаве за свои же земли. Хотя поляки в это время не имели сил для войны с Россией. В дальнейшем Речь Посполитая будет только деградировать. Россия без вступления в войну могла спокойно взирать на войны западных держав с Турцией и готовиться к возвращению остальных исконных русских земель на западе.

Освоение Приамурья. Вооруженный конфликт между Россией и Китаем на Амуре

Рис. 12. Маньчжурский император Сюанье (Канси). Китайский рисунок начала XVIII века

После открытия русскими первопроходцами великой реки Амур до окончательного присоединения её берегов к нашей стране прошло двести лет. Что же происходило в те два столетия вокруг Амура, прежде чем он стал границей между Россией и Китаем?

Первое упоминание реки Амур в международных документах появляется 25 июня 1670 года. Именно в тот день император маньчжуров Сюанье подписал послание русскому царю, в котором сообщал, что *«в районе Амура мелкие разбойники, твои подданные, напали на наших сборщиков соболя»*.

Естественно, имя великой дальневосточной реки Амур в том письме звучало иначе – «Сахалынь-ула», Чёрная река, как её называли маньчжуры. Русские этот язык не знали, и гонцы из Пекина дали им копию императорского послания на монгольском языке. Уже в Москве монгольское имя «Кара-мурэн» (Чёрная река по-монгольски) перевели как Шилка – столичные чиновники из Сибирского приказа, управлявшего далёкими восточными окраинами, ещё не очень разбирались, где начинается собственно Амур, а где его притоки

С государственной принадлежностью Амура тоже было всё непонятно. К тому времени русские первопроходцы, именно их небольшие отряды маньчжурский император именовал «мелкими разбойниками», уже почти четверть века собирали на берегах реки меховую дань и строили укреплённые остроги. Первый официальный представитель власти приехал из Москвы на берега Амура ещё в 1653 году, чиновники русского царя планировали основать на этих землях новое воеводство.

Но за то время, пока первые русские люди осваивали Приамурье, южнее возникла огромная империя. В июне 1644 года, когда отряд первопроходцев Василия Пояркова впервые вышел на берега Амура, в полутора тысячах вёрст к югу армия маньчжурских племён захватила Пекин. За следующие десятилетия маньчжуры покорили почти весь Китай, основав свою империю Цин. И когда в 1670 году император Сюанье отправлял письмо московскому царю с первым упоминанием Амура, на берегах этой реки находилось не более тысячи русских, а всё население России не превышало 14 миллионов человек, тогда как в новой китайской империи насчитывалось почти 100 миллионов подданных.

Ранее китайцы хотя и бывали на берегах Амура, но почти не интересовались этими северными для них землями. Маньчжуры же считали «Чёрную реку» своей сферой влияния, так как здесь, среди не знавших государственности малочисленных племён, издавна проживали и их дальние родственники – народности джучеров и орочёнов. Русские называли их «тунгусами». Сами маньчжуры, впервые столкнувшись с русскими первопроходцами, изначально тоже посчитали пришельцев «неизвестным сибирским племенем».

В итоге берега Амура стали спорной территорией между Русским царством и маньчжурской империей Цин. Первое вооружённое столкновение произошло уже в 1652 году, когда казаки Ерофея Хабарова разгромили атаковавший их маньчжурский отряд, в три раза превосходивший первопроходцев по численности.

«Здесь на великой реке Амуре стоят драки сильные с воинскими людьми, что присланы от царя богдойскова» – архивы сохранили датированное апрелем 1655 года письмо об этих событиях, отправленное в Якутск «служилым человеком» Онуфрием Степановым. «Богдойским царём», или «богдыханом», русские именovali маньчжурского императора.

В своём письме якутскому воеводе Онуфрий Степанов рассказал, как маньчжурские войска безуспешно осаждали построенный казаками Кумарский острог, расположенный на правом берегу Амура, на территории, которая сегодня является китайской провинцией Хейлуцзян: *«А приехали те богдойские воинские люди со всяким огненным боем, с пушки и пицальми, и знамена у них всякой розной цвет Из Кумарского острожку государевы служивые люди и*

амурские казаки выходили на вылазку, и многих богдойских людей побили и отбили у них 2 пищали железные, порох и ядра»

Спустя три года сибирский казак Степанов, известный среди своих под прозвищем Кузнец, погибнет в бою, когда 11 казачьих лодок столкнутся с полусотней маньчжурских боевых кораблей на Амуре, там, где в него впадает река Сунгари.

Основной целью казаков было закрепление на Амуре и его притоках для сбора ясака – налога с местного населения в виде пушнины. Данной цели казаки добивались посредством строительства острогов по рекам Приамурья, которые являлись центрами сбора ясака.

Рис. 13. Царь Алексей Михайлович
Ход действий в Приамурье в 1643 – 1662 гг.

В июне 1643 г. якутский воевода Петр Головин снарядил на исследование Амура экспедицию служилого человека Василия Пояркова. Поярков доложил воеводе о богатствах края и изложил свое мнение о необходимости приведения местных народов в русское подданство. В 1649 г. новый якутский воевода Дмитрий Францбеков помог промышленнику Ерофею Хабарову снарядить новую экспедицию в составе 70 человек. Когда отряд достиг Даурии, казаки узнали, что весь ясак уже уплачен некому «князю Богдою» (так местные называли цинского императора), почему русские вскоре вернулись в Якутск за подкреплением. Здесь Хабаров получил новые инструкции насчет будущих действий: *«А велеть им говорить, чтоб князь Богдай с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси высокою рукою в холопстве, потому что государь наш страшен и велик, и многим государствам государь и обладатель»*.

Рис. 14. Император Шуньчжи

В ходе новой экспедиции, усиленной еще полсотней казаков и пушками, русские постоянно подвергались нападениям. Одна из самых ожесточенных битв произошла возле городка даурского князька Албазы весной 1651 г. После его взятия, казаки начали делать из него форпост для дальнейшей экспансии – Албазинский острог. В сентябре Хабаров захватил один из поселков ольчей и основал Ачанский острог. Местные князьки несколько раз безуспешно пытались выбить русских, но потом покорились. Новое нападение произошло 26 марта 1652 года. Маньчжурское войско (600 маньчжур и 1 500 солдат из местных племен), скрытно сосредоточившись возле крепости, пошло утром на штурм, застав казаков (206 человек) врасплох. Тем не менее, штурм был отбит, после чего полторы сотни человек пошли на вылазку, обратив маньчжур в бегство.

В 1653 г. на Амур прибыл царский посланник Зиновьев, чтобы наградить Хабарова за присоединение новых территорий и составить собственное мнение о новых землях для доклада государю. Уезжает Зиновьев вместе с Хабаровым, оставляя О.Степанова за главного. Со Степановым связана активизация деятельности по сбору ясака в данном районе. Весной 1654 года, казаки, испытывавшие острую нехватку продовольствия, пошли вниз по Амуру к реке Сунгари. 6 июня русские силы нарвались на китайские корабли (3 000 человек). После короткого боя русские взяли часть китайских судов на abordаж, а остальные китайские силы отступили в близлежащую крепость. Попытка штурма успехом не увенчалась и Степанов отступил вверх по реке, где и зимовал в Кумарском остроге.

В январе 1655 г. империя Цин начала подготовку к военной операции, а уже в марте армия во главе с полководцем Минъяндали в составе 10 000 человек и 10 пушек осадила Кумарский острог, осада которого продолжалась около месяца. Маньчжурская армия потерпела поражение. Далее русские нанесли маньчжурам несколько ощутимых поражений.

Большой цинской армии противостоял маленький казачий отряд. Однако после осады Степанов наносит ощутимые поражения цинам. Действительно численность казаков была в несколько раз меньше, чем численность маньчжурских войск. Но, говоря о численности войск, нужно также учитывать их эффективность, куда включены понятия боеспособности солдат, мобильности армии, моральное состояние войск, искусство полководцев. Малочисленность казаков компенсируется их очень высокой эффективностью. Не имея возможности победить казаков военной силой, маньчжуры решили взять их измором, полностью разорив селения местных народцев, поставлявших русским воинам провиант. Чтобы раздобыть продовольствия Степанов спустился вниз по Сунгари летом 1658 г. Здесь русские бойцы приняли неравный бой против 47 китайских галер. В итоге 270 человек русских погибло, а остальные бежали. Несмотря на поражение, экспансия на Дальний Восток не останавливалась: продолжали строиться поселки и остроги, осваивались земельные угодья. В 1681 г. сюда была послана новая экспедиция, окончательно подчинившая русскому влиянию Приамурье, бассейн р. Уссури и часть бассейна Сунгари.

Ход дипломатических действий сторон в 1652 – 1662 гг.

В 1654 г. в Пекин прибывает торговый караван Ярыжкина, снаряжённый на деньги казны, который не являлся официальным посольством России, а преследовал цель получить информацию о ведении торговли в Китае и возможность распродать привезённые из России товары. Ярыжкина заставляют пройти ритуал коу-тоу, то есть официально принять статус зависимой от Китая державы, варварского государства. Таким образом, цины, не добившись успеха в военных действиях, стремятся вписать Россию в свою иерархическую схему, где Китай – высший, а Россия – низшая. Ярыжкин не был наделён полномочиями посла, однако в глазах цинов произошло торжество конфуцианской доктрины и подтверждено превосходства Китая.

Первым государственным посольством России в Китай было официальное посольство Байкова, которое прибыло в Пекин 3 марта 1656 г. «с уверениями от Алексея Михайловича

в мире и дружбе» и «с целью установления посольских связей и постоянной торговли». Одновременно с временем пребывания посольства атаман О.Степанов «нанёс несколько ощутимых поражений» цинам.

Своих целей русское посольство не достигло. Агрессивные действия О.Степанова, а также отсутствие инструкций вести переговоры по амурскому вопросу у Байкова послужили причиной отказа в удовлетворении интересов Российского государства. Также немаловажной причиной отказа Байкову была его твёрдая позиция не проходить ритуал коу-тоу. Что же обусловило отсутствие необходимых инструкций у Байкова? Если Москва знала о столкновениях её подданных с империей Цин, почему не стремилась об этом говорить? Ведь если начать политические переговоры, то рано или поздно это приведёт к установлению границ или точному разделению сфер влияния, что снимет обострённость в регионе и приведёт к приостановлению боевых действий. Москва не была заинтересована ни в обсуждении амурского вопроса, ни, тем более, в разграничении Приамурья, потому что являлась не обороняющейся стороной, а агрессивной: постоянное расширение сферы влияния русской администрации на территории Приамурья являлось образом действий России. Наоборот же империя Цин затрагивала амурский вопрос, стремилась решить его прежде всего политическим путём. Таким образом, уверения Москвы о мире и дружбе с цинами носили характер ничем не обоснованных заявлений, преследовали цель открыть сверхприбыльную русско-китайскую торговлю, подчинённую государству, при этом Москва не стремилась к стабилизации ситуации на Амуре, так как ей это было невыгодно.

Второе посольство И.Перфильева и С.Аблина в Китай (1660 – 1662 гг.) имело те же цели, что и посольство Байкова. Интересен тот факт, что во время подготовки посольства в России узнали о том, что Байкову и его свите угрожает опасность, была составлена грамота царём, и туда был включён следующий пункт: *«ходили наши царского величества ратные люди на тое Даурскую землю войною, а того не ведали, что та Даурская земля у вас в подданстве»* и что *«великий государь, наше царское величество, ратных своих людей на Даурскую землю посылать не велим»*, но потом, когда пришла весть о благополучном возвращении Байкова в Россию, пункт этот из грамоты исчез. В отличие от миссии Байкова, миссия Перфильева не настаивала на личной аудиенции у императора. Миссия Перфильева была принята гостеприимно, им были выданы подарки от императора, был устроен пир, но результат не был достигнут: цины решили не посылать ответную грамоту царю, а предложения установить торговые и дипломатические связи были отвергнуты, так как Россия, по мнению цинов, не проявляла покорности, не признавала верховенства Сына Неба.

Ход дипломатических действий сторон в 1662 – 1670 гг.

В отличие от своего предшественника, новый император Канси (1662 – 1722 гг.) оказался более прагматичным, либеральным и, готовым идти на уступки, политиком. Характер приёма С.Аблина ярко об этом повествует: во-первых, впервые глава каравана из России был принят лично императором, во-вторых, Аблину позволили беспрепятственно торговать, в-третьих, цинская сторона не склоняла выполнять посланцев ритуал коу-тоу, в-четвёртых, посланцам выдали подарки русскому царю, в-пятых, торговые операции посольства в Китае принесли более 300% прибыли!

Канси, оказывая такую честь посольству Аблина, рассчитывал достичь своих целей: цины добивались возвращения бежавшего Гантимура, эвенкийского князя, принявшего подданство России, однако правительство России не поставило перед Аблиным дипломатических задач. Во время пребывания Аблина в Пекине к нерчинскому воеводе Аршинскому было отправлено требование о выдаче Гантимура. При этом «русская администрация располагала сведениями о подтягивании крупных контингентов маньчжурских войск к Нерчинску. В трёх же нерчинских острогах имелось всего 123 служилых человека». Аршинский же выслал в Пекин десятника

Милованова, который не только отказал маньчжурам в выдаче Гантимура, но и предложил китайскому императору сделаться вассалом русского царя.

Именно с этого момента цинская сторона убеждается в неэффективности дипломатических методов в отношениях с Москвой, так как на огромные почести, оказанные Аблину, и разрешение Канси вести торговлю и присылать посольства от России в лице воеводы Аршинского последовало заявление явно дестабилизирующие ситуацию. Теперь любые заверения Москвы в дружбе не воспринимаются императором Канси. Разочаровавшись в дипломатии, Канси делает упор на военные методы достижения цели: во второй половине 1670 г. – начале 1671 г. маньчжурские войска заметно активизируют свои действия.

Ход действий сторон в Приамурье в 1662 – 1682 гг.

В тоже время, когда Канси пытается решить амурский вопрос дипломатическими методами, сопротивление маньчжур в области Хэйлунцзян ослабло: в 1665 г. казаки во главе с Н.Черниговским восстанавливают Албазин, происходит обращение в русское подданство баликагиров с р. Хайлар, окончательно от маньчжуров уходит к русским Гантимур (1667 г.), люди Черниговского устраивают поход по Амуру с целью собрать дань с дауров и дючеров (1669 г.). Таким образом, Россия восстанавливает и расширяет своё влияние в регионе, потерянное после смерти О.Степанова в 1658 г.

При императоре Канси маньчжуры сосредотачиваются на усилении обороны в Северной Маньчжурии, а удары по русским носят нерегулярный, локальный характер. Для защиты Маньчжурии строится Ивовый палисад (1682 г) – укрепленная пограничная линия, построенная по периметру Южной Маньчжурии. Основная функция линии – защита Южной Маньчжурии от внешних угроз. Ивовый палисад на большинстве своих участков состоял из земляной насыпи высотой и шириной около 1 м, по поверхности которой через каждые 1,5 м выкапывались в землю по три связанных между собой верёвками ивовых кола высотой от 60 до 120 см, а с внешней стороны был вырыт ров до 3 м в глубину. Укрепления протянулись на 1300 км. Он имел четверо ворот, между которыми находилось 28 сторожевых пограничных поста. На эти постах и при воротах размещались маньчжурские гарнизоны.

Ход дипломатических действий сторон в 1670 – 1686 г.

Высокие прибыли, полученные караваном С.Аблина, подтвердили крайнюю выгодность торговли с Китаем. Русское государство в связи с этим готовит четвёртое официальное посольство в Китай: в 1675 г. из России отбывает посольство Н.Г.Спафария. Цели посольства изложены в «Наказной памяти»: во-первых, Спафарий должен был отдать царскую грамоту, в которой царь высказывал предложения об установлении посольских и торговых связей, при этом Спафарий (в отличие от предыдущих миссий) должен был пройти все церемонии, какие «приняты в Пекине при приёме других иностранных послов», во-вторых, Спафарий должен был заплатить пошлины за товары, привезённые им в Китай, чтобы принудить тем самым китайцев, платить пошлину, в-третьих, впервые проявляется заинтересованность Российского государства в покупке китайского серебра и шёлка.

В Нерчинске Спафарий дал указание воеводе воздерживаться от военных столкновений с маньчжурами. Таким образом, из характера подготовки посольства видно, что Россия в данный момент была крайне заинтересована в успехе миссии и прикладывала достаточно усилий к этому, правда, при этом, не забывая о своих интересах, так как Гантимура решили не выдавать.

Цинская же сторона выдвигала на переговорах вопрос о Гантимуре как центральный. Россия, как было сказано выше, вопрос о Гантимуре рассматривать не хотела, но Спафарий, действовавший в соответствии с «Наказной памятью», решил поступиться международным авторитетом России, стремясь установить с Китаем постоянную торговлю. Поэтому Спафарий и его свита выполнил ритуал «коу-тоу», означавший, что Россия стала зависимым от империи Цин государством, что теперь к России мог применяться термин «фань» (варвар). Однако после того, как Спафарий поступился авторитетом России в надежде на открытие постоянной

торговли с Китаем, Канси устроил ему аудиенцию, которая прошла в молчании. Таким образом, Спафарий в итоге не получил ничего. Более того, империя Цин предъявила России требования: во-первых, возвращение Гантимура, во-вторых, чтобы «русские, которые живут на рубежах, жили смирно». Для ускорения выполнения этих требований империя Цин в одностороннем порядке объявила о фактическом разрыве дипломатических и торговых связей с Русским государством. Таким образом, при Канси подход к русским стал отличаться прагматичностью, если при Шуньчжи критерием безопасности Маньчжурии должно было быть заявление русских о их «верности» императору (коу-тоу), то при Канси критерием «покорности» русских должен был стать возвращённый Гантимур и их «смирная» жизнь в Приамурье. Миссия Спафария – безусловный успех цинов: сыграв на заинтересованности русских в торговле, при этом закрыв её для них, цинский император добился признания его верховенства над Русским государством.

Ход действий сторон в 1682 – 1689 гг.

Цели Российского государства и империи Цин в данный временной отрезок сохраняются прежними: Россия стремится наладить с Китаем торговлю, которую могло бы контролировать государство, а империя Цин стремится решить свою основную задачу на Северо-востоке: защитить свой тыл – Южную Маньчжурию, что являлось крайне актуальным в тот момент для маньчжурской династии. Значение Маньчжурии как тыла оставалась достаточно важным, но по мере закрепления России в Приамурье и освоения данной территории, значение Маньчжурии возросло: теперь Маньчжурия стала потенциальным буфером между Пекином и Россией в случае войны империи Цин и России.

Император Канси решил форсировать достижение своих целей, и стал применять радикальные методы. С 1682 г. началась подготовка к массированному удару по русскому Приамурью, целью которого было окончательное вытеснение русских из региона. На то были серьёзные причины, которые и заставили Канси сменить тактику. Во-первых, Россия не стремилась урегулировать амурский вопрос политическими средствами, при этом быстро осваивала «ничейные земли» – буфер между Россией и империей Цин; во-вторых, с окончанием восстания «трёх князей-вассалов» в 1681 г. у империи Цин появилась возможность сконцентрировать силы против России, наконец, новый джунгарский хан Галдан, самый сильный противник цинов в Центральной Азии, предложил России военно-политический союз. У цинов не осталось выбора в средствах урегулирования амурского вопроса, кроме силовых.

В 1682 г. были уничтожены Долонский и Селембинский остроги, в 1683 г. маньчжурами были разорены Зейский и Тугирский остроги, и в том же году на Амуре была построена крепость Айгун – основная база в будущей войне с Россией. В июне 1683 г. китайская флотилия захватила отряд казаков под руководством Мельникова. Большая часть из них была отправлена в Пекин, а несколько человек были посланы передать в Албазин последнее предупреждение: *«уходите домой миром, либо предадим вас смерти»*. Казаки решили острога не оставлять.

Видимо, с 1683 – 1685 гг. идут приготовления и стягивание войск Цин в район Айгуна: *«С сухого пути были построены станции, – на Сунгари, впадающей в Амур, был выстроен целый флот. Сделаны были огромные запасы провианта для действовавших войск. По недостатку земледелия в той стране и запасных магазинов, провиант и военные снаряды придумали сплавить по реке Ляохэ, чтобы доставить их на Сунгари»*.

В 1684 г. было учреждено отдельное Албазинское воеводство, с центром в одноимённом городе, а первым начальником его стал Алексей Толбузин. Русская экспансия шла уже на земли, которые маньчжуры считали своими родными местами и, конечно, цинский император не мог на эту ситуацию не реагировать.

В 12 июня 1685 г. началась осада Албазина. Деревянные укрепления острога состояли из окружённого рвом высокого частокола с угловыми башнями, на которых можно было устанавливать артиллерийские орудия. За рвом был частокол, а за ними – железные кольца, спря-

таннные в ямах. Маньчжурская армия под руководством местного губернатора Сабсу состояла из 15 000 человек, 100 пушек и 50 осадных орудий, флота из 100 судов, а гарнизон крепости – из 450 казаков, у которых было 300 ружей и 3 пушки, а к ним 4 ядра. Армия Цин построила осадные сооружения и канонерские лодки вышли по Амуру, чтобы изолировать форт, затем открыли огонь по заграждению. Разумеется, при тридцатикратном превосходстве в живой силе и при пятидесятикратном превосходстве в артиллерии успех маньчжуров был очевиден. Русский воевода Толбузин полностью отверг предложения о капитуляции, его крепость выдержала штурм маньчжуров, наконец, стены Албазина были подожжены маньчжурами, и только жители Албазина уговорили Толбузина капитулировать, что и произошло 2 июля. Маньчжуры, вопреки своему огромному военному превосходству, согласились на почётную капитуляцию, они выпустили в Нерчинск всех жителей Албазина с оружием и знамёнами. Но тут же китайцы нарушили обещание, отобрав у русских оружие, имущество и провиант. Несколько десятков человек попали в плен. Манчжуры сожгли острог и оставили его, но не позаботились о том, чтобы уничтожить или собрать зерно, посеянное русскими поблизости, что ещё раз доказывает, что задача маньчжур – не захват территории как таковой, а вытеснение России из Приамурья.

Вскоре после этого Толбузин с солдатами и пушками, а также прусским инженером, который руководил восстановлением форта, вновь занял этот пункт. Здесь, на развалинах острога, удалось выловить «языка», рассказавшего, что единственный китайский гарнизон (500 человек) находится в Айгуне, который стоит выше по Амуру. Албазин теперь был хорошо обеспечен провиантом и порохом, усилена фортификация крепости двойными стенами до 3 метров в высоту. Крепость теперь защищал гарнизон, состоящий из 670 жителей Албазина (200 человек – военный отряд) и казаков А.Бейтона, то есть всего около 1 000 человек с 11 пушками. Для маньчжуров, которые основательно подготовились к первому удару, такой поворот событий оказался полной неожиданностью: быстрое восстановление сил казаков на Амуре совпало с подготовкой Канси войны с Джунгарским ханством, фактически в разгар будущей войны маньчжуры могли получить удар по флангу от казаков. Уже осенью в районе острога начались крупные столкновения маньчжурских разведывательных отрядов с казаками полковника Афанасия Бейтона. Новый императорский указ подразумевал уничтожение русских в Албазине с последующим походом на Нерчинск. В июле 1686 года Сабсу вернулся с 7 000 солдат и 40 пушками. Русские силы насчитывали 826 человек, 1 мортиру, 8 медных пушек и три пищали. Сабсу разместил свои тяжелые орудия на холме в полуклометре и более легкие орудия в 500 шагах от частокола. Затем под прикрытием артиллерийских орудий манчжуры обстреляли острог зажигательными стрелами и под прикрытием щитов на колесах провели атаку. Однако несколько попыток взобраться на стены по лестницам были отбиты русскими орудиями. Толбузин, возглавлявший вылазку, был тяжело ранен ядром в ногу и умер через 4 дня, но форт держался до ноября, когда начались переговоры между двумя правительствами.

1 сентября начался новый штурм, опять закончившийся ничем. Русские бойцы постоянно делали вылазки, уничтожая солдат противника, но гарнизон начал таять от цинги. В октябре начался последний штурм. Китайцы, получившие пополнение, бросили на крепость одновременно 10 000 человек. К декабрю большая часть гарнизона погибла от цинги (одна эта болезнь унесла 500 жизней) или в результате вылазок. В живых осталось только полторы сотни человек, из которых нести службу могли только 45. Сам Бейтон передвигался на костылях.

В конце 1686 г. в Пекин прибыли гонцы Посольского приказа Венюков и Фаворов, которые были уполномочены известить хана о готовности вести мирные переговоры. Цины согласились на совместное прекращение военных действий, но осады Албазина не снимали. Казакам было разрешено брать воду из реки, а также добывать провиант, но попытки сбора хвои, отвар из которой применялся для лечения цинги, жестко пресекались. В феврале 1687 г. богдыхан послал к албазинцам двух врачей. Они согласились лечить казаков, но потребовали список

больных и немощных. В ответ на это Бейтон заявил, что: *«В Албазине служилые люди милостию великого Бога все здоровы, а немощных никого нет»*. Отказ Бейтона тем более имел основание, что незадолго до этого китайцы поймали двенадцать казаков, занимавшихся сбором хвои, и шестерых замучали до смерти.

Рис. 15. Царевна Софья Алексеевна

Рис. 16. Император Петр I

Заключение договора с цинами выпало на сложный для России период. В Москве шла борьба за власть между сторонниками царевны Софьи и Петра. Правительство хотело покончить с войной на Дальнем Востоке как можно скорее. Чтобы ослабить группировку Петра, было

решено выслать в Сибирь на заключение договора его ближайшего сподвижника – Федора Головина.

Рис. 17. Федор Алексеевич Головин

По пути от Москвы до Селенгинска к Головину присоединилось 1 906 человек войска. В 1687 г. он прибыл в Забайкалье. Но здесь вместо того, чтобы продвинуть приведенный полк к Нерчинску и Албазину, он зазимовал в Удинске, расположив тут же солдат. Решение организовать посольский съезд так глубоко на русских территориях в итоге только еще больше распалило аппетит и цингов. К тому же им стало известно, что сопровождение посла не представляло слишком большой силы.

В январе 1688 г. к Селенгинску, где в то время находился Головин, подошло пятитысячное монгольское войско Очирой Саин-хана, союзного цинам. Монголы предложили устроить посольский съезд, но, на самом деле, планировали взять русского посла в плен, уничтожив русские опорные пункты в Забайкалье и вернуть под свое крыло бурят, с которых они брали ясак до прихода русских. Но Головин на уловки не поддался и русский гарнизон (294 человека) три месяца отражал штурмы, пока в марте не подошел стрелецкий полк, обративший кочевников в бегство.

Цинам также приходилось не сладко, потому что с запада в земли их монгольских союзников вторглись джунгары. Союз с ними мог бы оказать значительную помощь России в переговорах с китайцами, но, несмотря на просьбы Головина, российская дипломатия ничего для этого не сделала. Сам же Федор Алексеевич опять не пошел к Албазину под предлогом «недостатка провианта», что не соответствовало правде. В тот год он привел в русское подданство некоторые монгольские улусы, несколько обезопасив Забайкалье, однако в конце 1688 г. съезд ханов Северной Монголии обратился к императору Канси с просьбой принятия их земель в состав Цинской империи. Хотя для Китая это был сомнительный успех, потому что разгромленные монголы сами требовали помощи. Цинам надо было спешить. Русских, в свою очередь, торопила царевна Софья, требуя договора чуть ли не любой ценой.

В начале июля китайская армия в 5 000 человек на 120 судах вторглась на территорию России и к середине месяца уже стояла под Нерчинском. Для нерчинского воеводы Власова это стало шоком. Головин прибыл в Нерчинск только 9 августа.

Нерчинский договор 1689 г.

Обе стороны относились друг к другу с недоверием: китайцы не желали проводить переговоры в городе, а русские хотели ограничить число цинских солдат. В итоге договорились, что говорить будут в шатрах недалеко от города и иметь рядом по 300 солдат. В качестве советников при китайцах находились иезуиты: француз Ф. Жербийон и португалец Т. Перейра, стоявшие на жесткой антирусской позиции. Причем выбор латинского в качестве языка переговоров позволял им искажать слова китайских послов при переводе, Естественно, в пользу Китая.

12 августа стартовал первый раунд переговоров. Русская сторона предложила провести границу по Амуру. Китайцы же требовали отдать не только Приамурье, но и Забайкалье. Так свои притязания на Амур они подкрепляли заявлением, будто эта река находится во владении маньчжурской династии «от самого царя Александра Македонского». Так первый день и прошел: китайцы выдвигали разные смехотворные предлоги, почему заявленные земли должны принадлежать им, а русские их опровергали. С наступлением темноты решено было продолжить на следующий день.

На второй день Головин согласился уступить китайцам часть Приамурья. Цины же назначили пограничным городом Нерчинск, оставляя его во владении России, на что русский посол ответил с улыбкой: *«Благодарю вас, что вы не высылаете меня еще из Нерчинска»*. Второй день также кончился безрезультатно, после чего китайцы ночью свернули свои шатры и заявили о прекращении переговоров, хотя они и были согласны на обмен мнениями через посольных. Но дальнейшее общение через посольных также ничего не дало: Головин наотрез отказался уступать Албазин.

20 августа цины, получив значительное подкрепление, начали военные приготовления. «В общем, цинские военачальники стянули к Нерчинску войско численностью около 17 000

человек (15 000 – отборные китайские солдаты и еще 2 000 – перебежчики из числа местных забайкальских племен) с пушками, кавалерией, боеприпасами, продовольствием и фуражом, в то время как Головин и Власов имели в своем распоряжении всего лишь 1,5 тыс. плохо вооруженных и недостаточно обеспеченных продовольствием воинов. Несмотря на явное неравенство сил, русские послы решили защищать Нерчинск, предпочитая погибнуть в неравном бою, но не сдаваться в плен маньчжурам. Вскоре китайцы взяли город в кольцо. На протесты русского посла против военных демонстраций и его заявление о том, что царское правительство также может прислать в Приморье значительные силы, маньчжуры цинично ответили, что им прекрасно известно, что добираться оно будет года два.

В конце концов, пойдя на определенные уступки, стороны заключили 26 августа 1689 г. мирный договор. Границы двух государств устанавливались по рекам Горбица и Аргунь, т.е. русские теряли все Приамурье. Албазинский острог подлежал уничтожению, а русские поселенцы в регионе – выселению. Статьи договора 1, 2 и 3 отражают интересы цинов – установление границы, приобретение Приамурья и разрушение Албазина, а статьи 4 и 5 соответствуют интересам России – установление постоянных посольских и торговых связей, а статья о перебежчиках закрепляла за Гантимуром его российское подданство. Китайцы таким исходом остались довольны. По итогам подписания договора императору Канси была предоставлена докладная записка, в которой, в частности, говорилось следующее: *«Русские, чувствуя меру вашего благоволения к ним, вполне согласились с нашим послом касательно определения границы, и, таким образом, земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав ваших владений»*.

Крымские походы князя Василия Голицына

Рис. 18. Крымские походы князя Василия Голицына

Конец XVII века. Московское царство ведёт непрерывающуюся войны с Речью Посполитой, Швецией и Османской Империей в лице Крымского ханства. Эти затяжные конфликты прослеживаются со времён Ивана IV Васильевича и их завершение не обещает быть скорым. Уже Турция овладела правобережной Украиной и стала граничить с Московским царством, если её армия сумеет победить на Европейском театре военных действий, то очень скоро крымские орды при поддержке янычар и сипахов начнут рвать Русскую землю.

В это время у Московского царства был подписан мирный договор с Турцией, хорошо ли, плохо ли, но он соблюдался, так как Турция вела войну против Австрийской империи, Венецианской республики и Речи Посполитой, которые называли себя Священной Лигой. Страны участницы Священной лиги постоянно обращались с просьбами к русским царям поддержать их в борьбе с османами. Но была ли нужна Москве эта война?

Говорят, что «худой мир лучше доброй ссоры», и можно было бы наблюдать как Турция окончательно добывает Польшу не вступая в драку, а потом ждать когда доведённые до крайних пределов отчаяния жители правобережья Днепра поднимут бунт, и тогда вступить в

драку. Но выходило так, что Турция в боях не только не теряла свою мощь, но и постоянно набиралась сил, а это было опасно. Поэтому Московское царство подписало «Вечный мир» с Речью Посполитой в 1686 году, вступило в антитурецкую коалицию, так называемую Священную лигу, состоявшую из Австрии, Венеции и Польши, боровшихся с Османской империей и её вассалом Крымским ханством. Перед русскими войсками была поставлена задача максимально оттянуть на себя войска Крымского ханства, тем самым, ослабив наступательный напор Турции в Европе. Конечно, на Руси понимали, что их не на пир зовут, а зовут буйны головы сложить, что делать было категорически нельзя. Нельзя было терять свой боевой потенциал, имея под боком таких «надёжных союзников» как Польша. Наверно поэтому перед командующим армией негласно была поставлена задача: «На рожон не лезть, беречь войска, но максимально обозначить свою активность». Для участия в походе готовилась громадная армия под командованием князя В.В.Голицына, общая численность которой должна была составить 112 тысяч человек: 9 100 человек сотенной службы (Сотенная служба – войска дворян ополченцев в Русском государстве XVII века), 17 300 казаков и лёгкой конницы, 10 500 московских стрельцов, 26 000 кавалерии «нового строя» (Кавалерия нового строя – скорее всего, это были драгуны и рейтары), и 49 200 солдат.

Кроме того, с армией должны были выступить в поход около 50 тыс. малороссийских казаков гетмана И.С.Самойловича.

Перевозить военные запасы и продовольствие должны были многочисленные обозы, насчитывавшие не менее 100 – 120 тыс. телег и возов и более 200 тыс. лошадей. Воду и конский корм предполагалось брать в многочисленных речках и на лугах по мере продвижения армии.

Выдвинутые из разных районов войска должны были собраться на южных рубежах страны к 11 марта 1687 года, однако из-за задержек сборы завершились позже этой даты, в середине мая. Основная часть армии собралась на реке Мерле выступила в поход 18 мая. 23 мая она свернула к Полтаве, двигаясь на соединение с казаками Самойловича. К 24 мая войско гетмана прибывало Полтаве. Как и было запланировано, оно насчитывало около 50 тыс. человек, из которых примерно 10 тыс. составляли специально набранные мещане и крестьяне.

Казаков было решено отправить в авангарде армии. Дождавшись подхода всех войск, 26 мая князь Голицын провёл общий смотр своей армии, показавший, что под его командованием находилось 90 610 человек, что ненамного ниже списочной численности войска. 2 июня войска Голицына и Самойловича встретились у пересечения рек Орель и Орчик и, объединившись, продолжили продвижение, совершая небольшие переходы от одной речки до другой.

К 22 июня войска достигли реки Конские воды. После переправы через реку Самарка снабжать громадную армию стало затруднительно – температура повышалась, широкие реки сменились маловодными ручьями, леса – небольшими рощами, но войска продолжали движение. Крымский хан Селим I Герай в это время находился на Молочных водах, татарских отрядов в пути встречено не было. Осознавая, что его войска уступают русской армии по численности, вооружению и выучке, он повелел всем улусам отступить вглубь ханства, отравить или засыпать источники воды и выжечь степь к югу от Конских Вод.

Узнав о пожаре в степи и опустошении земель вплоть до Перекопа, князь Голицын решил не менять план и продолжил поход, к 27 июня достигнув реки Карачекрак, где был устроен военный совет. Несмотря на достаточные запасы провианта, продвижение по выжженной и опустошённой территории отрицательно сказалось на состоянии армии, лошади обессилели, обеспечение войска водой, дровами и конским кормом оказалось крайне затруднено, вследствие чего на совете было принято решение о возвращении армии к русским рубежам. Отступление началось 28 июня, войска отправились на северо-запад к Днепру, где русское командование ожидало найти уцелевшие источники воды и травы для лошадей.

Для борьбы с татарами было выделено около 20 тыс. казаков Самойловича и около 8 тыс. чел. воеводы Л.Р.Неплюева, которых предполагалось объединить с почти 6 тыс. чел. генерала Г.И.Косагова.

Рис. 19. Селим I Герай

Восполнить запасы и отдохнуть войско смогло лишь на берегах Самарки. В ходе отступления в русском лагере возникли слухи о причастности к поджогу степи гетмана Самойловича, и на него был направлен донос в Москву.

Когда воинство достигло Орели, к нему прибыл из Москвы глава Стрелецкого приказа Ф.Л.Шакловитый, выразивший поддержку решению Голицына об отступлении.

Русское правительство, осознавая крайнюю опасность продолжения кампании в таких условиях и желая сохранить репутацию командования отступающей армии, предпочло объявить крымский поход успешным. В царских письмах говорилось, что Крымскому ханству была достаточно продемонстрирована огромная военная сила, что должно было предостеречь его от будущих нападений на русские земли. Впоследствии во избежание недовольства со стороны ратных людей им выдали денежные пособия и другие награды.

Пока армия Голицына переправлялась на правый берег Днепра, крымский хан решил воспользоваться разделением русского войска и ночью совершил нападение на войска Косагова, оставленные на левом берегу реки.

Татары захватили часть обоза и угнали стада лошадей, однако их атака на лагерь армии была отбита. Более того, на помощь Косагову подоспели конные и пешие воины Неплюева, быстро обратившие татар в бегство и отбившие у них часть захваченного имущества.

Татарская конница вновь появилась на следующий день, однако повторно атаковать русский лагерь не решилась, ограничиваясь нападениями на фуражиров и угоном нескольких небольших табунов лошадей.

В ответ на донос на гетмана Самойловича 1 августа из Москвы прибыл гонец с царским указом, в котором предписывалось избрать нового гетмана, более устраивающего малороссийское войско.

Вместо Самойловича гетманом стал И.С.Мазепа, однако верные Самойловичу части воспротивились этому и подняли бунт, который прекратился после прибытия в казачий лагерь частей Неплюева.

13 августа армия Голицына достигла берега реки Мерлы, 24 августа получила царский указ о прекращении похода и роспуске участвовавшей в нём армии. По завершению кампании на южных рубежах государства были оставлены войска численностью в 5 и 7 тыс. человек *«для бережения великороссийских и малороссийских городов»*. Для следующего похода в Крым было решено построить на реке Самарке укрепления, для чего там было оставлено несколько полков.

В крымскотатарской версии событий в изложении историка Халима Герая, представителя правящей династии Гераев, Селим Герай отдал приказ сжечь всю траву, солому и зерно, которые имелись на пути русских. 17 июля войско хана встретило русских у местности Карайылга. Точное число людей в его армии неизвестно, однако оно было меньше армии Голицына.

Хан разделил свою армию на три части: одну возглавил сам, а две других возглавили его сыновья – калгай Девлет Герай и нуреддин Азамат Герай. Началась битва, которая длилась 2 дня и закончилась победой крымцев. Было захвачено 30 пушек и около тысячи пленных. Русско-казацкое войско отступило и построило у местечка Куяш за крепостью Ор укрепления. Ханская армия также построила укрепления у рва, находящегося перед русскими, готовясь к решающей битве. Русско-казацкая армия страдая от жажды, была не в состоянии продолжать бой, начались переговоры о мире.

К утру крымцы обнаружили что армия русских и казаков бежала и они начали преследование. У местности Донузлы-Оба русско-казацкие войска были настигнуты крымцами и понесли потери. Главной причиной поражения было истощение русских войск вследствие подпала степи, но несмотря на это цель похода: отвлечь Крымское ханство от войны со Священной Лигой – была выполнена,. Об отступлении русской армии, начавшемся ещё в июне, до обрисованных в труде Герая столкновений, не сообщается, внимание акцентируется на действиях хана Селима Герая, других Гераев и их войска, но отмечается, что русские не имели «провизии, фуража и воды».

Вопреки этой версии, как отмечалось и дореволюционными, и современными исследователями, до решения об отступлении русские войска не встретили на своём пути ни одного

татарина; продвижение по выжженной степи остановилось лишь из-за распространившихся по ней пожаров и недостатка провианта, задолго до каких-либо столкновений с противником.

Сами столкновения носили характер незначительных стычек, причём нападение хана на русские войска в середине июля было быстро ими отбито и привело татар к бегству, хотя они и успели захватить часть обоза.

В донесении кн. В.В.Голицына кампания представлена как успешная, отмечается характерное для обоих крымских походов отсутствие сколь-нибудь значительных сражений и уклонение татар от боя: *«хан с татары на себя ратных людей наступления пришли в боязнь и ужас, и отложя обыкшую свою дерзость, нигде сам не явился и юртов его татаровя нигде не показались и бою не дали»*.

По словам Голицына, ханское войско, избегая столкновения, ушло за Перекоп, русские войска тщетно надеялись встретить противника, после чего, изнурённые зноем, пылью, пожарами, истощением припасов и корма для лошадей, приняли решение покинуть степь.

На правом фланге был разгромлен турецкий вассал, Буджакская орда. Генерал Григорий Косагов взял крепость Очаков и некоторые другие крепости и вышел к Чёрному морю, где начал строительство крепостей. Об успехах Косагова восторженно писали западноевропейские газеты, а турки, опасаясь атаки на Константинополь, стягивали к нему сухопутные армии и флот.

Второй Крымский поход

В 1689 году начались приготовления ко второму походу. Речь Посполитая начала переговоры с Османской империей, перекладывая всё бремя войны на Россию. Ранней весной (или в феврале) 1689 года русское войско, увеличенное до 150 тысяч человек (по другим данным – 112 тысяч при 400 орудиях) направилось на юг.

15 мая недалеко от деревни Зелёная Долина произошло нападение крымских татар, которое было отбито артиллерийским огнём и ружейными залпами.

20 мая русская армия подошла к Перекопу. Однако возглавлявший поход Василий Голицын отказался брать Перекоп, ибо в нём было всего три колодца с пресной водой, чего не хватило бы для армии.

Кроме того, за Перекопом простиралась безводная степь и потери после взятия Перекопа были бы весьма значительны.

Рис. 20. Князь Василий Голицын

Итоги

Крымские походы имели большое международное значение, смогли на время отвлечь значительные силы турок и крымских татар и весьма способствовали военным успехам европейских союзников России в борьбе против Османской империи, прекращению турецкой экспансии в Европе, а также распаду заключённого в 1683 году в Адрианополе союза между Крымским ханством, Францией и перешедшим в турецкое подданство Имре Текели.

Вступление России в Священную Лигу спутало планы турецкого командования, вынудив его отказаться от наступления на Польшу и Венгрию и перебросить значительные силы на восток, что облегчило борьбу Лиги против турок.

Однако, несмотря на значительное превосходство в силе, поход огромной армии закончился её возвратом, сколь-нибудь значимого столкновения между противоборствующими сторонами не произошло, а Крымскому ханству не было нанесено поражение. Вследствие этого действия русской армии подверглись критике со стороны историков и некоторых современников.

Так, в 1701 году знаменитый русский публицист И.Т.Посошков, лично не имевший отношения к обоим походам и опиравшийся на то, что слышал о них, обвинял войска в "страшливости", считая бесчестьем, что огромное воинство не оказало помощи разбитому татарской конницей полку думного дьяка Е.И.Украинцева.

Рассуждая о причинах неудачи похода, историк А.Г.Брикнер, отмечал, что в ходе кампании столкновения между обеими сторонами носили характер лишь незначительных стычек, не доходя до настоящего сражения, а главными противниками русского войска были не столько собственно татары, число которых было невелико, сколько жаркий степной климат и проблемы обеспечения громадного войска в степи, усугубившиеся из-за охвативших армию болезней, степного пожара, оставившего лошадей без корма, и нерешительности командования.

О катастрофическом *"безводье и безхлебье"* в походе по жаркой степи сообщал и сам князь Голицын, говоря, что *"лошади под нарядом (наряд - артиллерийское орудие) пали, люди обезсилили"*, источников корма для лошадей не оказалось, а источники воды были отравлены, в то время как войска хана предали огню Перекопские посады и окружавшие их поселения и так и не появились для решающего сражения.

В таком положении войско хотя и было готово *"служить и кровь свою пролить"*, но посчитало разумным отступить, нежели продолжать действия. Татарскому мурзе, несколько раз приезжавшему в русский лагерь с предложением мира, было отвечено отказом на том основании, *"что тот мир противен будет Польскому союзу"*.

Дореволюционный историк Н.Г.Устрялов, не считая условия, в которых находилась армия князя, невыносимыми для выполнения поставленной перед ней задачи, полагал главным виновником отступления лично князя Голицына, обвиняя его в самоволии.

По его мнению, Голицын чрезмерно заботился о том, *"как бы отвести своё войско в целостности и, для безопасности отступления, решился предложить хану мир"*, несмотря на численное превосходство русского войска, его желание воевать, слабость татарской крепости и *"ужас татар"* после столкновения с ним у Чёрной Долины.

Действия князя он подверг резкой критике, считая их *"странными и непостижимыми"*, и утверждал, что князь сообщал неверные сведения в Москву, стремился распространить в европейских кругах ложные сведения о полном разгроме крымского хана, тем самым прикрывая неудачный исход кампании и тяжёлые потери.

Военный историк Г.А.Леер выделил четыре причины неудачного исхода походов, на первое место поставив слабое соответствие плана театру военных действий, затем игнорирование крепости Перекопа при планировании продвижения в Крым и Днепра как пути подвоза продовольствия и имущества, пренебрежение рекомендованного правительством и опытными

военными плана по созданию перевалочных баз и, наконец, преимущество крымско-татарской конницы.

В итоге Россия прекратила платить выход крымскому хану; международный авторитет России возрос после Крымских походов.

Однако в результате походов цель по обеспечению безопасности южных границ России так и не была достигнута.

По мнению многих историков, неудачный исход крымских походов был одной из причин свержения правительства царевны Софьи Алексеевны.

Сама Софья так писала Голицыну в 1689 году, полагая верными сообщения о его успехах:

Свет мой, Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета !

И паки здравствуй, Божию и Пресвятой Богородицы милостию и своим разумом и счастьем победив агаряне !*

Поддай тебе Господи и впредь враги побеждать!

Существует мнение, что неудачность Крымских походов сильно преувеличена после того, как Пётр I потерял половину всей армии во втором Азовском походе, хотя получил лишь выход ко внутреннему Азовскому морю.

Как отмечал Н.И.Павленко, крымские походы не были бесполезны, поскольку основные их цели – выполнение обязательств перед Лигой и сковывание сил противника – были достигнуты, что имело важное дипломатическое значение в отношениях России с антиосманской коалицией.

По мнению В.А.Артамонова, прежнее толкование походов как провала князя В.В.Голицына неверно, поскольку в Москве изначально осознавали практическую невозможность завоевания Крыма и сознательно ограничивались демонстративным выходом в степь большой массы войск, после чего в 1689 – 1694 гг. перешли к своему привычному методу борьбы с ханством – пограничной войне на истощение.

Основание Славяно-Греко- Латинской академии в Москве

Рис. 21. Эмблема Славяно-греко-латинская академии

Русский народ никогда грамоты не чурался, и причины тому были чисто практические. Передать распоряжение, зафиксировать долг и т.д. Для важных документов, которые составлялись на века использовали пергамент, для бытовых нужд и учёбы – бересту.

Однако для правящих кругов грамотный народ не нужен, беда с этими грамотеями, всё-то они читали, всё-то они знают. Учили по потребности в монастырях, учили тому – что нужно здесь и сейчас, а заниматься «науками» не хотели, не было ещё стратегического видения того, что науки могут обеспечить прорыв в деле обороны, да и в других делах тоже. Новое появлялось и у нас, но поначалу привозное, и только потом, разобравшись в том, как и что, мы доводили привозные образцы до совершенства, но всегда с небольшим опозданием, не на много, но всё ж

По сравнению с западными странами, университетское образование в России стало развиваться позднее на несколько веков. Идеи о том, что оно необходимо, посещали разных рос-

сийских правителей, но до создания первой академии дело дошло только во второй половине 1680-х годов. Тогда формально царствовали Иван V и Пётр I, реально же управляла страной их старшая сестра – регентша Софья Алексеевна. А учредительную грамоту о создании академии – этот документ назывался «привилегия», потому что учебное заведение наделялось определёнными правами – составили ещё при прежнем царе, их брате Фёдоре Алексеевиче. Считается, что написал эту грамоту монах, просветитель, поэт и педагог Симеон Полоцкий (1629 – 1680). Он приехал в Москву из Полоцка в 1661 году и стал учителем детей царя Алексея Михайловича, в том числе царевича Фёдора.

Симеон выступил инициатором создания Славяно-греко-латинской академии, когда его ученик Фёдор взойшёл на трон. Но возникла она не на пустом месте, а на базе типографско-издательской школы, как бы сейчас назвали это учебное заведение. Рассказываем, как это было.

Что за школа была в основе академии?

В XVII веке в Русском царстве случился расцвет книгоиздания. В основном, конечно, церковного (Евангелия, Псалтири, Собрания поучений святых отцов и так далее), поэтому руководила этим процессом Церковь. Сверх того издавали и буквари, например букварь Василия Бурцова 1634 года (его можно было купить по цене одного-трёх килограммов ржаной муки). Вышла грамматика киевского духовного писателя Мелетия Смотрицкого, по которой и век спустя учился церковнославянскому Ломоносов. А в конце XVII века были изданы букварь монаха Чудова монастыря Кариона Истомина, а также практическое руководство по счёту.

За вторую половину XVII века Печатный двор в Москве выпустил одних только букварей 300 тысяч экземпляров, а также множество другой учебной литературы, как религиозной, так и светской. Раскупали книги так бойко, что некоторые тиражи расходились за несколько дней. Для сопровождения процесса книгоиздания требовались образованные люди: чтецы, писцы, справщики (так называли редакторов-корректоров, исправлявших ошибки). Поэтому при Печатном дворе с 1681 года заработала школа, обучавшая таких специалистов. В том числе там учили старославянскому и греческому языкам. Преподавали в школе монах Тимофей, а также греки Мануил Левендатов и Иоаким, и было там поначалу 30 учеников.

Рис. 22. Житие Федора Ртищева

Но именно типографская школа при Печатном дворе послужила базой для Славяно-греко-латинской академии.

Образованные кадры тогда требовались и Церкви, и государственным приказам. Однако процесс создания высшей школы не был простым, он сопровождался острейшим противоборством сторонников и противников высшего образования, а также шли споры, на каком опыте строить образование – западноевропейском или греческом.

Это противоборство, успехи и поражения латинистов и грекофилов в дальнейшем будут влиять на перемены в устройстве и даже названии Славяно-греко-латинской академии. Так, изначально Элино-греческая (известна была также как Элино-греческие школы или Спасские школы), с 1701 по 1775 годы она носила название Славяно-латинской и лишь после этого стала Славяно-греко-латинской.

Как возникла академия?

Как уже упоминалось, начало академии положил документ «привилегия», составленный Симеоном Полоцким. Он в значительной мере опирался на опыт Киево-Могилянской академии, в которой он сам учился и преподавал. Её основал в начале XVII века, когда Киев ещё был частью Речи Посполитой, украинский общественный деятель и киевский митрополит Пётр Могила. Он учился в Голландии и Франции и опирался во многом на опыт Ягеллонского университета в Кракове, который, в свою очередь, наследовал традициям древнейших европейских университетов в Болонье и Париже.

Это наследие хорошо заметно и в проекте Московской академии, составленном Полоцким. Она должна была стать всесословной высшей школой с бесплатным обучением, стипендиями для студентов и жалованьем для преподавателей. Ученики в ней должны были изучать помимо языков (славянского, греческого, латинского и польского) основной набор обязательных курсов европейских университетов: «семь свободных искусств» – тривиум и квадравиум (**Тривиум** (лат. *trivium* — «трёхпутие») и **квадравиум** (лат. *quadrivium* — «четырёхпутье») – два цикла учебных дисциплин в средневековом образовании, которые составляли систему «Семь свободных искусств». Тривиум: Грамматика, Риторика, Логика (диалектика). Квадравиум: Арифметика; Геометрия; Астрономия; Музыка и высшие курсы богословия). Как и университеты на западе Европы, академия должна была обладать автономией: чтобы ученики и преподаватели были подсудными только ректору и патриарху – по «Академическому чину». Академия должна была дополнительно контролировать другие образовательные учреждения и домашних учителей, цензурировать книги с точки зрения Православной церкви, переубеждать и карать отступников от православной веры и проверять иностранцев на благонадёжность и годность к службе или обучению.

Рис. 23. Симеон Полоцкий

Самому Полоцкому реализовать замысел не удалось – в 1680 году он умер. Тогда дело продолжил его ученик Сильвестр Медведев (1641 – 1691), справщик, книгохранитель и придворный поэт. Он отредактировал составленную Полоцким привилегию и добился того, что в 1682 году её принял царь Фёдор.

Однако создание академии и после этого несколько затянулось – в том числе из-за споров о том, на каком всё-таки языке должно идти преподавание: на латыни или древнегреческом.

Лишь три года спустя патриарх-грекофил Иоаким благословил открытие школы. Поэтому хотя изначально идея академии исходила от латинистов, возглавили её греки – братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Они учились в Венеции, получили степени в Падуе и были энциклопедически образованны. Патриарх Константинопольский Дионисий рекомендовал их Иоакиму как искусных учителей для создания высшей школы.

Из-за длительной задержки в Польше, где братьям пришлось вести продолжительные диспуты с иезуитами, в Москву Лихуды приехали только в 1685 году. Сама академия изначально открылась в том же году в древнем Богоявленском монастыре, куда переехала и типографская школа. Лихудам дали поначалу всего шесть учеников из этой школы. В истории сохранились их имена: Алексей Кириллов (Барсов), Николай Семёнов, Фёдор Поликарпов, Федот Агеев, Иосиф Афанасьев, Иов, монах Чудовский.

Два года спустя академию перевели по повелению Патриарха Московского и всея Руси Иоакима в отдельное трёхэтажное помещение в монастыре Всемилоственного Спаса, известного как Заиконоспасский, то есть «находящийся за иконным рядом». Эти даты, 1685 и 1687 годы, разные исследователи считают датой основания академии.

Сразу после открытия в академии стали обучать греческому языку, а потом ввели курс риторики. Лихуды сами составляли учебники по большинству предметов, беря за образец учебные книги ведущих университетов Европы. Например, в рукописях остались их книги «Риторика», «Логика», «Психология», «Физика», построенные на трудах Аристотеля и его комментаторов в духе поздней схоластики и с использованием сведений из западной философии того времени.

Рис. 24. Иоанникий Лихуда

Рис. 25. Памятник Иоанникию и Софронию Лихудам

Однако, несмотря на все заслуги, Лихудов вскоре оговорили, обвинив в излишнем «латинстве». Главной претензией к ним стало то, что они, как писал патриарх Иерусалимский Досифей, *«забавляются около физики и философии вместо того, чтобы учить иные учения»*. В 1694 году братьев отстранили от преподавания, а латынь из учебного процесса убрали.

Академия после этого едва не закрылась. Денег на её содержание стали выделять меньше, а ряд дисциплин перестали преподавать, так как вместо Лихудов преподавателями остались

их ученики Фёдор Поликарпов и Николай Семёнов, сами не успевшие пройти полного курса обучения.

Несмотря на трудности, академия развивалась, пройдя путь от шести учеников в 1685 году до 163 в 1689-м. В XVIII веке количество воспитанников то росло (460 в 1738-м), то падало (200 в 1750-м), то снова росло (900 в 1790-е).

Поначалу в академию принимали людей *«всякого чина и сана»*. Вместе учились дети простолюдинов, купцов, священников и знати. Тем не менее, сословные различия всё-таки существовали. Например, княжеские дети получали в качестве стипендии один золотой (два рубля) в месяц, а дети простых и *«подлых»* (то есть самых бедных, из низших слоёв) – полтину, то есть пятьдесят копеек серебром. Именно так, на алтын (три копейки) в день жил Михаил Ломоносов, учившийся в академии в 1731 – 1735 годы. Он тратил по одной деньге (полкопейки) на хлеб и на квас, а остальное уходило на бумагу, обувь и другие нужды

Судьба Славяно-Греко-Латинской академии

Рис. 26. Заиконоспасский монастырь

Петровские преобразования вдохнули в академию новую жизнь. Первый российский император в указах от 1701 и 1706 годов подтвердил привилегию академии, предоставив ей государственный статус. В учебное заведение пригласили преподавателей из Киева и Львова, знакомых с европейскими научными школами, иногда оттуда приезжали и ученики. А ещё в академию в это время вернулась латынь – международный язык науки того времени. Греческий из программы, наоборот, убрали, он вернулся только в 1726 году, когда в состав академии вошла в качестве отдельного факультета греческая школа Софрония Лихуда, открытая в 1707-м. А официально в учебный план академии греческий язык включили ещё позднее – только в 1738-м.

Должности ректора и протектора академии тоже появились при Петре I. Первую занимал тот, кто одновременно был настоятелем Заиконоспасского монастыря. Он должен был контролировать достойное поведение учеников, протектор же отвечал за преподавание. Также они исполняли дополнительные функции академии, например вели споры с вероотступниками, рецензировали и переводили книги.

Первым пост протектора занял митрополит Стефан (Яворский), а ректора – Паладий Роговский. Последний учился в Богоявленской школе Лихудов, но через два года самовольно на 11 лет уехал за границу ради «совершенного учения». Роговский примкнул к униатам (движению по объединению православной и католической церквей), учился в иезуитских школах и высшем греко-униатском училище Рима, стал первым доктором философии и богословия из России. Вернувшись на родину, он написал серию «исповедальных» сочинений, где излагал, в том числе, неточности римского учения.

С самого начала в царских указах об академии наряду с неопределёнными понятиями «школа» и «ученик» использовались «академия» и «студенты», и вторые постепенно вытеснили первые. Преподавателей в документах Патриаршего казённого приказа именовали «учителями высоких наук». Что интересно, за границей, где о Московской академии быстро узнали и называли её преподавателей «профессорами», представление о высоком статусе этого учебного заведения сложилось даже быстрее, чем в России.

Пётр также подтвердил права университетской автономии для академии. Например, в указе от 1706 года царь предписывал, что по всем вопросам (в том числе судебным) касаясь учеников «Славянолатинских школ, которые в Спасове монастыре» следует обращаться к митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану.

В 1715 – 1716 годах в академии был недолгий период элементов студенческого самоуправления: студенты избирали прокураторов, которые должны были отстаивать права учащихся. Однако вскоре этот институт был упразднён, и вопрос о студенческом самоуправлении больше не поднимали.

Стремительные петровские перемены породили чехарду в ведомственном подчинении академии. Лишь в 1718 году она полностью перешла под управление Монастырского приказа (позднее – Коллегии экономии), а затем Святейшего Синода. Должность протектора фактически упразднили, академию стали периодически посещать ревизоры, а её автономию ограничили. Во второй четверти XVIII века академия получила почётный титул «Императорской». При преемниках Петра статус академии почти не менялся.

Уже в 1728 году приём в академию закрыли «детям солдатским и крестьянским», из-за чего тому же Ломоносову пришлось скрывать своё происхождение: он назвался сыном холмогорского дворянина, в пути потерявшим сопроводительные документы. Интересно, что после зачисления из 259 учеников в академии он оказался единственным «русским дворянином» (да и то ненастоящим) – представители этого сословия не очень жаловали академическую карьеру.

Обучение в академии начинали после вступительного собеседования, в основном с 11 – 12 лет, но были и те, кто приходил в академию и в 6 – 7, и в 28. Программа строилась на трёх уровнях, которые нужно было последовательно пройти. Каждый уровень делился на «школы»:

нижний – «фара», «инфима», «грамматика», «синтаксима»: славянская и греческая грамматика, латынь;

средний – риторика и пиитика (в курс последней входило сложение стихов, «ораций», диалогов и сцен на латинском языке – на нём ученики были обязаны разговаривать даже между собой для лучшего понимания);

высший – философия и богословие. Именно учеников этой ступени называли студентами, они приносили присягу на верность царю, как это было заведено и в европейских университетах.

Полный курс философии, например, включал физику как естественную мудрость, этику как нравственную мудрость и метафизику как умозрительную мудрость. Для неграмотных была подготовительная школа.

Рис. 27. Обучение в Славяно-греко-латинской академии

Самые одарённые ученики проходили полный курс за 12 – 13 лет, а у самых слабых на всё про всё уходило до 20 лет. Это не было уникальной российской практикой – в средневековых европейских университетах тоже учились долго.

За слишком медленный темп освоения наук обычно не изгоняли, а вот за плохое поведение – да. Впрочем, досрочный перевод через половину или треть года в следующий класс тоже не был редкостью, особенно в младших школах. Например, Пётр Левшин, будущий московский митрополит Платон, прошёл всю учебную программу всего за шесть лет. Конечно, во многом этому способствовали его личные качества: так, пропустив курс греческого, Левшин выпросил у товарища греческую грамматику на латыни, так как купить её было не на что, переписал книгу и выучил язык самостоятельно. Впоследствии он даже преподавал в академии пиитику и освоенный таким образом греческий язык! Быстро продвигался в освоении академических дисциплин и Ломоносов.

Но прилежностью отличались далеко не все. Так, в 1770 году из академии отчислили 46 студентов из-за плохой посещаемости, длительных отлучек без уважительной причины, плохого поведения и нескольких по болезни. Один из отчисленных, 14-летний Митрофан Власов, просидел в первом классе восемь лет. О другом нерадивом ученике – Алексее Назарове – в ведомости со списком отчисленных сказано следующее: *«Оной Назаров июля 23-го сего года прислан был из полиции якобы в бою им караульного, которой по допросу в канторе не признался»*.

Забавно, что тогда же выяснилось, что один из воспитанников, Василий Чебышев вовсе и не Чебышев, а сын дворцового крестьянина Ивана Павлова, чего он и сам не помнил, так как отдан был в академию ещё ребёнком. Постоянной проблемой были и побеги учеников. Так, в 1718 году ушедших с учёбы предписывалось *«сыскивать и отсылать в те школы из Монастырского приказа с наказанием»*.

Переводили учеников на следующий уровень по результатам экзаменов: в младших школах – устных опросов, в средних – письменных сочинений, в старших – публичных диспутов. За успехи в обучении полагалось *«достойное мздовоздаяние»* – пожалование *«в приличные чины их разуму»*. Так, по окончании выдавали свидетельства, которые *«можно было презентовать царскому Величеству и, по его Величества указу, определять оных на разные места»*.

Кроме того, монарх мог лично давать поручения академии, например, по переводу книг, и за них брались лучшие ученики.

Занятия начинались с сентября и шли почти круглый год, лишь с 15 июля по 31 августа разрешались «рекреации», то есть каникулы.

Лекции занимали три часа в день. Ученики старших классов помогали учиться младшим, опекали их, служили личным примером. Это соответствовало традиционной академической политике, к тому же эта своеобразная педагогическая практика позволяла найти среди студентов будущих преподавателей.

Некоторых студентов отправляли в зарубежные командировки – например, для обучения турецкому, арабскому и персидскому языкам, а также изучения «наук литературных» во Франции. Интересно, что все эти направления считались непрестижными и, как правило, доставались ученикам из «подлых». Но нормальной практикой были и отправки лучших студентов в экспедиции и зарубежные миссии. Так, в 1716 году «для переводу книг» группа школяров академии поехала в Прагу. В 1725 году при организации Пекинской миссии в Китай вместе с послом Саввой Рагузинским из академии поехали Лука Воейков, Фёдор Третьяков и Иван Шестопалов. А в 1733 году в Камчатскую экспедицию послали 12 студентов.

Из-за рубежа в академию тоже приезжали иностранные школяры. По решению Синода от 1721 года иноземцев приравняли к отечественным учащимся, но лишь в том случае, если они приносили присягу на верность российскому императору. Впрочем, отказ от такой присяги лишал только права на получение жалованья (то есть стипендии), а не на учёбу.

Проходить полный курс в принципе было не обязательно – даже на недоучившихся студентов академии был большой спрос у разных организаций и ведомств, поэтому до высших классов богословия доходили немногие. Больше всего уходило в открывшуюся школу при Московском госпитале, где высоко ценилось знание латинского языка: в 1719 – 1722 годах туда из академии перешли 108 человек. В 1722 году между госпиталем и академией вообще началась «война» за студентов.

Ректор жаловался: *«в те вышеозначенные школы приманы были ученики, и из тех вышеописанных учеников в разных годех браны в разные Ево Государевы службы, а и ныне ученики такожде взяв Ево Великого Государя жалование и не доучась в разных годех и ныне без ведома начальников отстают, и записываются в разные чины»*. Характерно, что Синод тогда решил вопрос в пользу госпиталя.

Кто-то из студентов после первых двух ступеней в академии уходил в другие профессиональные высшие школы, вроде Навигацкой школы и Медицинского училища, а также в появившуюся в 1725 году Санкт-Петербургскую академию наук. Многие выпускники продолжали образование в престижных университетах Европы.

Почему, и как наступил закат академии?

Славяно-греко-латинская академия заложила основу высшего образования, стала на долгое время основным учреждением для производства образованной элиты в России. Именно из её стен вышел Михаил Ломоносов, составивший потом проект Московского университета. Но и помимо него среди учеников академии было много людей с по-настоящему разносторонним образованием, которые внесли весомый вклад в культуру России XVIII и XIX столетий. Это, например, поэт Василий Тредиаковский, дипломат Антиох Кантемир, математик Леонтий Магницкий, исследователь Камчатки Степан Крашенинников, промышленник Дмитрий Виноградов, основатель первого постоянно действовавшего российского театра Фёдор Волков.

Однако средневековые принципы, на которых во многом строилась академия, быстро устарели. Ещё Пётр понял, что совместить и светскую и духовную школы не получается. Государству всё больше требовались специалисты, обученные наукам в конкретных прикладных отраслях, а не просто широко образованные люди. На первый план стало выходить професси-

онально-сословное образование, и академии в этой системе всё больше отводилась роль высшего духовного училища.

Рис. 28. Петр Великий, император Российский

С 1740-х годов представителей духовного сословия буквально обязали поставлять в академию учеников из числа своих детей. Крестьянских детей туда к тому времени давно уже не пускали. У прочих же незнатных сословий большей популярностью пользовались Навигацкая школа и Медицинское училища, дававшие более прикладные профессии.

Наконец, в 1755 году в Москве открылся первый в России университет, и начался долгий процесс распределения полномочий между ним и академией. В 1775 году утвердили новый устав академии, и по замыслу правившей тогда Екатерины II она стала исключительно духовным училищем, готовящим образованное духовенство.

Правда, занявший в 1775 году пост директора академии уже упоминавшийся митрополит Платон (Левшин) старался расширить образование, которое там давали. Учебный план обогатился рядом новых предметов, не только теологических, но и университетских: математикой, экспериментальной физикой, историей гражданской и натуральной, кратким руководством к медицине и ботанике, экономией гражданской и сельской. Студентам Академии даже предписывалось посещать лекции в Московском университете.

В рамках образовательной реформы Александра I в 1814 году Славяно-греко-латинская академия была преобразована в Московскую духовную академию, став одним из подобных учреждений, предназначенных для подготовки высокообразованных священнослужителей. В новое учебное заведение приняли всего 19 учеников и четырёх преподавателей из прежней академии. Поскольку во время оккупации Москвы Наполеоновской армией в 1812 году многие помещения академии были значительно повреждены, новое учебное заведение поместили в Сергиев Посад, в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Там Московская духовная академия работает и ныне.

Свержение правительства царевны Софьи Алексеевны

Рис. 29. Правительница Софья Алексеевна. Гравюра А. Блотелинга

Ранние публикации однозначно рисовали царевну Софью как этакую бабищу только и мечтающую известить своих братьев, для того, что бы самой сесть на трон. Однако, как оказалось, это было не совсем правдой, а только тенденциозным изложением фактов.

Какой же правительницей была Софья Алексеевна – регентша при двух братьях царях? Если в двух словах – прогрессивной и либеральной (в истинном и положительном значении этого слова). Развивалась промышленность, в частности, было налажено производство бархата, парчи и атласа, которые ранее ввозились из-за рубежа.

Для обучения русских мастеров приглашались иностранные специалисты. Именно при Софье, а не при Петре I, на учебу в европейские университеты были отправлены первые студенты (ещё раньше 5 человек отправил на заграничную учёбу Борис Годунов, однако по причине начавшейся в России Смуты ни один из них не вернулся обратно). На базе типографской школы Заиконоспасского монастыря была создана знаменитая Славяно-греко-латинская ака-

демия. Более того, Софья собиралась (но не успела этого сделать) открыть в Москве школу для девочек.

Поощрялось строительство в Москве не деревянных, а каменных частных домов (таковых было построено около 300). Отправилось в Париж первое в истории русское посольство.

В годы правления Софьи были сделаны уступки посадским людям и ограничен сыск беглых крестьян. Смягчены наказания за некоторые преступления. Например, отменена смертная казнь за непристойные слова, а женщин, убивших своих мужей, теперь не закапывали живыми в землю. С другой стороны, активизировалась борьба с коррупционными преступлениями и произволом провинциальных властей.

Продолжалась реорганизация армии по европейским образцам, о которой, кстати, пришедшие к власти Нарышкины «забыли» после отстранения от власти Софьи. В 1689 году, во время второго похода В.Голицына на Крым, русская армия насчитывала 112 тысяч человек, из которых 80 тысяч были солдатами полков иноземного строя. А в 1695 году при Петре I в армии таковых оказалось лишь 14 тысяч человек на 120 тысяч солдат.

В 1700 году в русской армии, двинувшейся к Нарве, обученных и организованных по европейским образцам полков было четыре: Семеновский и Преображенский гвардейские, Лефортовский и Бутырский (а всего было 33 полка). И уже в 1717 году князь Я.Ф.Долгорукий на одном из пиров прямо упрекнул Петра, что его отец, Алексей Михайлович, *«путь показал»*, да *«несмысленные все его учреждения разорили»*. То есть, видимо, в 1717 году российская армия еще не вернулась к состоянию 1689 года.

Дело в том, что, отстранив от власти Софью, 17-летний Петр I не изменил своего образа жизни – продолжал муштровать «потешные» войска и строить «игрушечные» кораблики. Страной правили временщики клана Нарышкиных, который возглавляли мать царя Наталья Кирилловна, Л.К.Нарышкин и Б.А.Голицын. Лишь после смерти матери в 1694 году Петр отстранил своих новых «опекунов» от власти (фактически осуществил новый государственный переворот) и начал активно заниматься государственными делами. За эти пять лет абсолютно некомпетентные нарышкинские временщики развалили если не всё, то очень многое.

Большим внешнеполитическим успехом Софьи стало заключение двух договоров. Во-первых, в апреле 1688 года был заключен «Вечный мир» с Речью Посполитой, по которому поляки признавали российскую принадлежность Смоленска, Киева, Левобережной Украины и Северной земли. Во-вторых, в 1689 году был подписан очень важный Нерчинский договор с Китаем, который впервые определил границу России с этим государством.

Но были и неудачи. Среди таких «неудач», в частности, упоминают два Крымских похода Василия Голицына, которые были организованы согласно условиям «Вечного мира» с Польшей. Да, эти походы были не авантюрой желавшего военной славы фаворита, а тяжелой обязанностью, высокой платой за чрезвычайно выгодный мирный договор, благодаря которому удалось вернуть исконно русские земли.

В первый из них русская армия отправилась в 1687 году, но татары подожгли степь, и поход пришлось прервать на полпути. Однако крымские войска не смогли поддержать турок в их войне с Австрией.

Поход 1689 года был организован гораздо лучше, и русская армия в полном порядке дошла до Перекопа, что, кстати, произвело большое впечатление в Европе, где Дикое поле считалось непроходимым для регулярных войск.

Рис. 30. Василий Голицын на гравюре конца XVII века

Взять Перекоп не удалось, но русская армия также организованно, хоть и с большими небоевыми потерями (типичными для всех армий тех лет), вернулась в Москву. Крымчаки опять не смогли оказать помощь туркам, и одним из косвенных результатов похода 1689 года стали поражения Османской империи в войне против Австрии, потеря ими Белграда, Венгрии и Трансильвании, низложение султана Мехмеда IV.

В русской столице второй поход армии Голицына не оценили. Ходили слухи, что крымчаки подкупили командующего, передав ему две бочки золота. Поскольку сильно разбогатевшим Голицын не выглядел, эту байку немного подкорректировали: татарские монеты будто бы оказались фальшивыми.

Однако следует отметить, что и Османская империя, и Крымское ханство были ещё очень сильны, и даже через 22 года, в 1711 г., во время Прутского похода в турецкий плен едва не попал недавний триумфатор сражения при Полтаве, Пётр I. И потому неудачи Голицына ни в

коем случае не могут быть признаны катастрофичными. Однако враги Голицына не преминули использовать их против князя, попутно ударив и по Софье.

Между тем, оба царя вступили в брак, и это было четким знаком Софье, потому что, согласно древней традиции, теперь они могли считаться совершеннолетними. Первым еще в 1684 году женился Иван Алексеевич, его супругой стала Прасковья Федоровна Салтыкова. Однако, как мы помним, Ивану Алексеевичу по причине его болезней было не до политических амбиций.

Гораздо больше поводов для беспокойства дала женитьба 16-летнего Петра I на 19-летней Евдокии Федоровны Лопухиной – этот брак был заключен в январе 1689 года. Любопытно, что эта девица при крещении получила имя Прасковья, но при венчании ее почему-то «переименовали». Лишили ее даже и отчества Илларионовна, назвав Федоровной – в честь Феодоровской иконы Божьей Матери – святыни дома Романовых.

Рис. 31. Пётр I и Е.Ф.Лопухина. Миниатюра из «Книги любви знак в честен брак»

Рис. 32. Феодоровская икона Божьей матери, XII век, Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь

Уже упоминавшийся Борис Куракин, женатый на сестре новой царицы, оставил такое ее описание:

«И была принцесса лицом изрядная, токмо ума посреднего и нравом не сходная к своему супругу, отчего всё счастье своё потеряла и весь род свой сгубила Правда, сначала любовь между ими, царём Петром и супругою его, была изрядная, но продолжалась разве токмо год. Но потом пресеклась».

Жену для сына выбирала мать – Наталья Кирилловна Нарышкина. И она же вдруг возненавидела невестку – по словам Куракина, *«желала больше видеть с мужем её в несогласии, нежели в любви».*

В это время Софья готовила свое венчание на царство, которое было назначено на 1 сентября 1689 года. Однако вот что произошло в ночь с 7 на 8 августа 1689 года – в изложении Н.Костомарова:

«В царских хоромаш «на верху» появилось подметное письмо, в котором предостерегали царевну, что ночью с 7-го на 8-е августа явятся из Преображенского «потешные» царя для убийства царя Ивана Алексеевича и всех его сестер. Шакловитый вечером 7-го августа призвал четыреста стрельцов с заряженными ружьями в Кремль, а триста поставил на Лубянке. Его подручники начали наущать стрельцов, что надобно убить «медведицу», старую царицу, а «если сын станет заступаться за мать, то и ему спускать нечего». Неплохо было бы понять кто за всем этим стоит, но, к сожалению, мы можем только фантазировать на эту тему.

Но: «Пятисотный стрелецкого Стремяного полка Ларион Елизарьев с семью другими стрельцами составил замысел предупредить Петра. Двое из товарищей отправились ночью в Преображенское известить царя, что против него затевается недоброе».

Получив это известие, Пётр впал в состояние паники. На свое потешное войско он, видимо, не надеялся, потому что, бросив мать и беременную жену, в одной рубашке вскочил на коня и помчался в хорошо укрепленный Троице-Сергиев монастырь, где, надев традиционный кафтан, стал старательно изображать *«истинно русского и православного государя»*. Понятное дело, семнадцатилетний мальчик испугался, но спасать себя, бросив жену..?

Родственники Петра в сопровождении «потешных» и некоторых стрельцов, никем не преследуемые, спокойно прибыли в монастырь на следующий день. Именно это постыдное бегство будущего императора спровоцировало цепь событий, которые скоро привели к падению Софьи. Противостояние вошло в открытую фазу, и сформировались два непримиримых лагеря – Софья в Кремле и Петра в Лавре.

Для правительницы бегство брата стало полной неожиданностью. Она пыталась примириться с ним и даже обратилась к патриарху с просьбой стать посредником в переговорах, однако тот, согласившись было, в Москву не вернулся – остался в Лавре, что привело в уныние людей из окружения Софьи.

Петр быстро осмелел за неприступными стенами Троице-Сергиева монастыря. Он писал брату Ивану:

«Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас».

И уговаривал его *«государство наше успокоить и обрадовать вскоре»*.

27 августа Петр (точнее, люди, которые им тогда управляли) потребовал явиться к нему всем стрелецким полковникам, а также «выборным» – по 10 человек от каждого полка. Софья, напротив, запретила им покидать Москву. Наказание заслушание с обеих сторон было одно – смерть.

С каждым днем Софья теряла сторонников. В сентябре ее предал и командир иноземных наемников шотландец Патрик Гордон. С ним ушел и обласканный Василием Голицыным Франц Лефорт – будущий друг и даже наставник Петра I. На стороне Петра оказался и брат фаворита Софьи – бывший дядька (воспитатель) этого царя Борис Голицын. Более того, струсил и сам Василий Голицын, который просто уехал в своё подмосковное имение Медведково.

В отчаянии Софья сама направилась к брату, надеясь, что сумеет договориться с ним при личной встрече, но в селе Воздвиженском (примерно в 50 км от Москвы) ей было приказано повернуть назад. После этого пришел приказ об аресте самого верного сторонника Софьи – Федора Шакловитого, московские стрельцы схватили его и отвезли «в железах» в Лавру. Шакловитого жестоко пытали и вскоре казнили.

Рис. 33. «Прощание царевны Софьи с Шакловитым»

После этого в Троицу явился даже Василий Голицын, но не был принят Петром. Бывшего первого вельможу государства отправили с семьей в ссылку – вначале в Еренский городок, потом в Пустозерский острог, наконец – в Пинегу, где он и умер в 1714 году в возрасте 71 года. Софью он пережил на 10 лет. А в 1719 году вышла книга Даниеля Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо». В одном из ее эпизодов главный герой зимой 1703 – 1704 гг. встретился с неназванным по имени князем Голицыным в Тобольске и предложил ему бежать из ссылки. Князь отказался, но отправил с Робинзоном своего сына, которого тот под видом своего управляющего вывез за границу через Архангельск.

Внуку Василия Голицына Михаилу после его смерти было разрешено вернуться в Петербург, и вскоре он был отправлен в Париж на учебу. Ничто не предвещало беды, однако в 1729 году после смерти первой супруги он отправился за границу, где принял католичество и женился. В 1732 году об этом стало известно императрице Анне Иоанновне, которая распорядилась аннулировать этот брак, а самому Голицыну было велено занять место среди дворцовых шутов. Некоторые считают, что свое прозвище «Квасник» он получил за то, что ему было велено обносить гостей квасом, другие – по причине пьянства (вы ведь знаете сохранившееся и в наши дни старое значение слова «квасить»). Именно его императрица в 1740 году женила на шутихе А. Бужениновой, устроив им свадьбу в знаменитом «Ледяном доме».

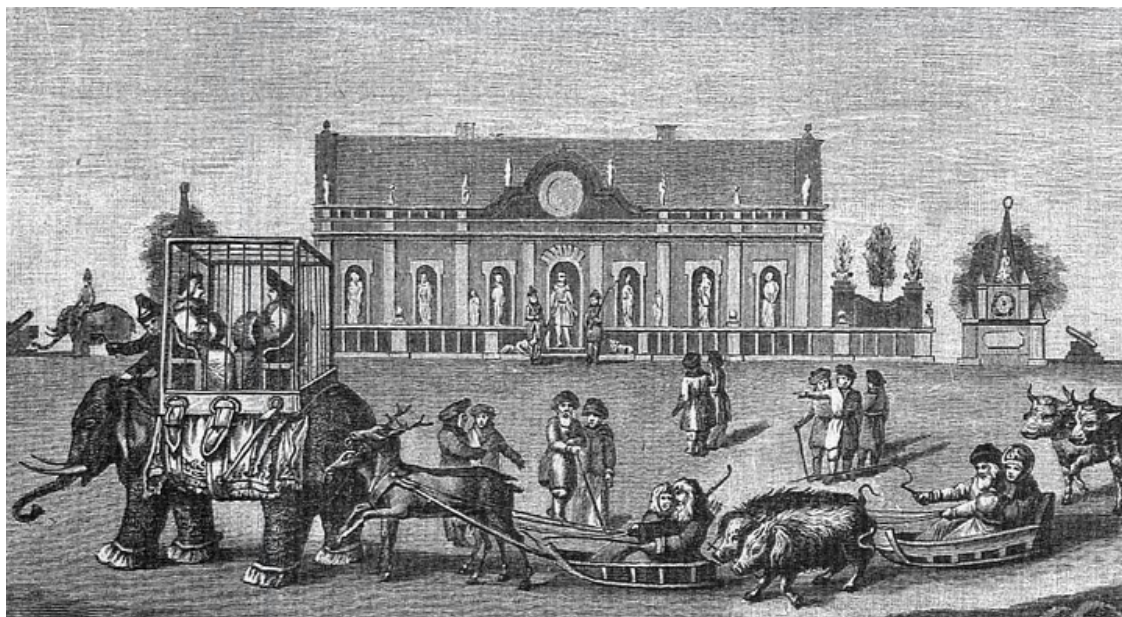

Рис. 34. Фасад Ледяного дома и процессия шутовской свадьбы Михаила Голицына и калмычки Бужениновой»

После смерти императрицы все шуты «получили отставку», но брак Михаила Голицына и Авдотьи Бужениновой остался в силе. Она родила двух сыновей, один из которых не оставил потомства, зато другой, Андрей, стал основателем старшей ветви князей Голицыных.

Но вернемся к героине статьи. Софье было приказано отправиться в Путивльский Свято-Духовский монастырь, и покинутая всеми царевна вынуждена была подчиниться брату. А затем она была переведена в Новодевичий монастырь.

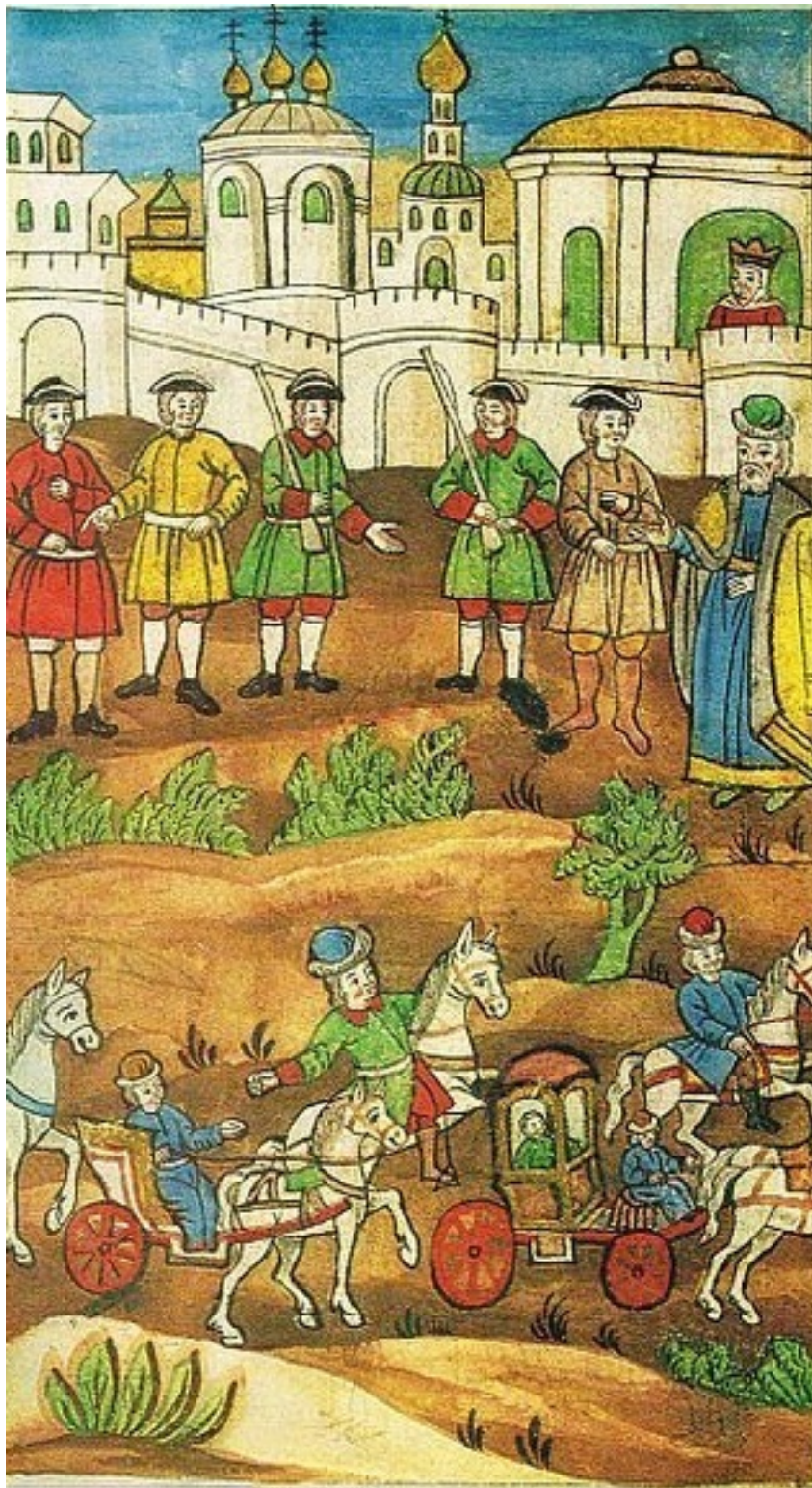

Рис. 35. Заточение царевны Софьи в Новодевичий монастырь в 1689 г.

Но слишком сильно все же царевну пока не притесняли. Ей было дозволено иметь слуг, как члену царской семьи, присылали продукты из Кремля. Но категорически запретили выезд за пределы монастыря и прием любых посетителей. При этом постригаться и становиться инокиней от Софьи не требовали – в монастыре она находилась как бы под домашним арестом. Ей не разрешили даже присутствовать на похоронах брата Ивана, который умер 29 января (8 февраля) 1696 года.

Рис. 36. Великая княгиня Софья в Новодевичьем монастыре

Для ещё молодой и деятельной женщины нахождение в четырёх стенах в условиях информационного вакуума было настоящей пыткой. Чтобы занять себя, она переписывала церковные книги и много писала сама. Карамзин утверждал:

«Царевна могла бы сравниться с лучшими писательницами всех времен, если бы просвещенный вкус управлял ее воображением».

В 1698 году в России вспыхнул новый бунт, участие в котором приняли стрельцы четырех полков – до 2 200 человек, по некоторым данным, восставшие планировали вернуть к власти Софью – впрочем, эти показания были получены под пытками. Стрельцы были разбиты у Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (близ Истры). В подавлении восстания участвовали Преображенский, Семёновский, Лефортовский и Бутырский полки.

Пётр I в это время находился за границей, но, узнав о новом мятеже стрельцов, спешно прервал свою поездку и вернулся в Москву. Восстание уже давно было подавлено А.Шеиным и Ф.Ромодановским, которых ни в коем случае нельзя упрекнуть даже и в малейших проявлениях гуманизма: были повешены 130 человек, 140 человек биты кнутом, клеймены и отправлены в ссылку, 1 965 человек высланы в отдалённые города. Ромодановский тогда лично обезглавил четырёх бунтовщиков. Тем не менее, Пётр приказал начать новое следствие, результатом которого стала казнь более тысячи человек.

Рис. 37. Могила Софьи Алексеевны, фотография 1908 г.

С особым пристрастием искали следы участия в заговоре Софьи, пытали ее служанок, Петр не поленился лично допросить сестру. Чтобы оказать на нее психологическое давление, под окнами кельи бывшей правительницы повесили трех стрельцов. Под пытками были получены показания против этой царевны, однако прямых улик найти не удалось. Утверждают, что Петр готов был казнить сестру, однако его отговорил Франц Лефорт, который, намекая на зна-

менитый «Закон Фатиха», заявил, что только турки *«обагрят руки в крови братьев своих»*, *«а христианский государь должен иметь чувствования милосердые»*.

Тем не менее, Софью насильно постригли в «рясофор»: она стала инокиней и получила новое имя – Сусанна. Теперь режим её заключения стал по-настоящему тюремным. Незадолго до смерти царевна приняла схиму – высшую степень подвижничества с принесением обетов нестяжания (отказ от имущества), целомудрия и послушания. После этого она вернула себе прежнее имя.

Софья прожила всего 47 лет и умерла в июле 1704 года, была похоронена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.

Однако в народе ходили слухи, что на самом деле царевна бежала из монастыря с 12 верными ей стрельцами и укрылась среди старообрядцев на Волге. И в качестве альтернативной могилы этой царевны называют захоронение «схимницы Прасковьи» в окружении 12 безымянных могил в основанном в 1657 году на реке Керженец старообрядческом скиту Шарпан (на территории Семеновского района современной Нижегородской области).

Азовские походы Петра I

Рис. 38. Первый азовский поход Петра I

К концу XVII – началу XVIII века Московское царство по занимаемой площади на планете Земля стало самым большим государством в мире, однако это государство занимая 15,5 млн. кв. километров имело очень мало выходов к морям.

Выход к Балтийскому морю был потерян после неудачной Ливонской войны Ивана IV Грозного (Ям-Запольский мир с Речью Посполитой и Плюсское перемирие со Швецией, когда Россия отдала Ливонию и Полоцк Польше, а Ивангород, Ям, Копорье и Нарву – Швеции), правда в это же время на Белом море был основан город-порт Архангельск, но уж больно далеко было от Белого моря до Европы. Фактически через Архангельск торговала Россия исключительно с Британией, да со Швецией.

Не долго, но всё же была у России и Златокипящая Мангазея на Северном Ледовитом Океане, но работала она исключительно на вывоз пушнины. Осваивать пространства Сибири с помощью этого порта не получилось. Слишком короткая навигация, слишком суровые условия жизни, да и боялась Россия, что этот порт может стать воротами для вооружённого захвата этих богатых промысловых территорий нашими «друзьями» англичанами.

Вышли русские казаки и промышленники и к Тихому океану, Чукотке, Камчатке и Сахалину, закрепились на Амуре, но опять – не были освоены ещё эти отдалённые территории, слишком дорого было везти товары, только самые дорогие и изысканные вещи удаивались такой чести.

В Чёрном и Азовском морях русские корабли перестали ходить после 1204 года. Сначала, после разграбления Константинополя крестоносцами исчез экономический стимул совершать эти путешествия, а после того, как Крым вошёл в состав империи Чингизидов исчезла и практическая возможность плавания по этим морям. Правда было ещё одно южное море – Каспийское, выход к которому Московское царство получило после присоединения Астраханского ханства, но значение выхода в это море было не велико, так как оно не имеет связи с океаном. Через Каспий торговали с Персией.

Анализируя эту информацию мы понимаем, что русское государство действительно нуждалось в выходе к Балтийскому и Чёрному морям и борьба за них была не за горами. Сестра Петра I регентша Софья Алексеевна решила закрепить за Московским царством Малороссию и обезопасить южные границы государства от возможного нападения Османской империи.

В 1686 г. Софья вступила в «Священную лигу». Союз Австрии, Польши, Венецианской республики и Рима, сражавшихся против Османской империи. В рамках поддержки союзников и отвлечения войск Крымского ханства её правительством были организованы два Крымских похода. И хотя оба похода главной цели – разгрома Крымского ханства, не достигли, но:

Во-первых, они позволили русской армии получить актуальный опыт ведения войны в южных маловодных местностях.

Во-вторых, русское государство продемонстрировало давнему и бескомпромиссному врагу, Крымскому ханству, свои силы.

В-третьих – укрепило международный авторитет русского государства.

Правда, и от этого никуда не деться, русские войска во время этих походов понесли значительные небоевые потери.

В 1689 г. правительницу Софью свергли, и правительство фактически возглавила мать Петра, Наталья Кирилловна и её клан Нарышкиных. Ни вдовствующая царица, ни Нарышкины особым умом в деле управления государством не обладали. Многие нужные и прогрессивные начинания предыдущего правительства они загубили. Так в целях «экономии» почти в три раза был уменьшен численный состав полков нового строя, а ведь это были наиболее боеспособные части русской армии.

Молодой царь по-прежнему занимался «марсовыми потехами» с Преображенским и Семеновским полками. Увлёкся и «нептуновыми потехами», строительством кораблей в Переславле-Залесском на Плещеевом озере. Поехал к настоящему морю, в Архангельск

Его мать была женщиной осторожной, избегала резких поворотов – как бы не навредить. С союзниками не ссорилась, мир с турками не заключала. Но и на фронте активных действий не предпринимала.

Впрочем, затишье было обманчивым. Османы тоже не предпринимали наступательных операций, перебросили силы на других противников. Зато развернули интенсивное строительство крепостей. Раньше возле устья Днепра были две твердыни, Очаков и Кызы-Кермен. Теперь возводились еще пять: Аслан-Кермен, Таван, Мустрит-Кермен, Ислам-Кермен, Мубарек-Кермен. Крепости все ближе придвигались к царским владениям. Если русские будут наступать, на их пути вставали новые преграды. Но крепости служили и прекрасными базами для будущих турецких ударов.

А уж крымские татары резвились вовсю! Их загоны терроризировали Украину, отлавливая «живой товар», угоняя скот. Хан не оставлял без внимания и русскую оборону. В каком она состоянии? Как сказалась на ней перемена власти? Может быть, уже саму Россию получится грабить, как Украину? В 1692 г. хан вдруг вывел орду, двинулся к системам пограничных укреплений. Но у воеводы Белгородского разряда (округа) Бориса Шереметева служба была налажена образцово. Получив сведения о приближении татар, он мгновенно поднял войска и выступил навстречу с 40-тысячным корпусом. Хан счел за лучшее не принимать сражения. Повернул воинство куда полегче – опустошать Польшу.

В январе 1694 г. Наталья Кирилловна скончалась. Вот теперь-то началось самостоятельное правление Петра I, хотя он к власти никогда не готовился, сложным и многообразным вопросам государственного руководства не учился. Он даже толком не знал собственную страну... Между тем, война с Турцией «висела» на России. Союзникам крепко доставалось. Турки разбили австрийцев под Белградом. Крымцы и ногайцы совершенно разорили Польшу своими набегами. Польский король Ян Собеский принялся скандалить. Писал, что русские не вносят никакого вклада в общую борьбу. Шантажировал, что разорвет «вечный мир» с Рос-

сией, вместо этого заключит сепаратный договор с султаном, а у царя потребует вернуть утраченные Смоленск, Киев, Левобережную Украину.

Рис. 39. Азовские походы Петра I

Остаться один на один с турками и татарами было нежелательно. Но ведь они и русским угрожали, и украинцев замучили набегам. А Петр с детства мечтал о воинских подвигах. Он решил драться по-настоящему. Осенью 1694 г. провел большие маневры, Кожуховский поход, а на 1695 г. наметил мощный удар. У царя нашлись умные советники, план составили блестящий. При Голицыне враги привыкли, что русские собирают большие армии и идут вдоль Днепра на Крым. А с Дона осуществляются отвлекающие операции. Теперь снова формировалась армия под командованием Шереметева, 100 – 120 тыс. человек. Она должна была отвлечь неприятеля на себя, двигаться на днепровские крепости.

А вторая армия в это время спустится по Дону и захватит Азов. Она была небольшой, 31 тыс., но Петр отобрал в нее лучшие части: Бутырский, Лефортовский, Преображенский, Семеновский полки, московских стрельцов. Их дополняли части Тамбовского разряда и донские казаки. Азов имел три линии мощных укреплений – земляной вал со рвом и палисадом, каменную стену с 11 башнями, внутренний замок. Крепость защищали более 100 орудий, выше по Дону турки построили две каланчи, перекрывшие реку цепями и артиллерией. Но гарнизон был небольшим, 3 тыс. человек.

Расчет нападения строился на факторе внезапности – налететь, штурмовать, и десятикратное превосходство гарантирует победу. Чтобы быстрее двигаться, даже не стали брать тяжелых пушек.

Но расчеты перечеркнули грубейшие ошибки. Вместо одного командующего Петр назначил «консилию» из Лефорта, Головина и Гордона. Она должна была выносить совместные решения, а утверждал их царь. Хотя военный опыт Лефорта ограничивался уровнем младшего офицера, а у Головина такового не было вообще. О планах болтали на всех застольях, а шпионов в России хватало. Турки узнали, как намерен действовать царь. Первые полки выступили

в поход в феврале и марте 1695 г. Но ползли медленно. Надолго останавливались в весенней распутице, поджидали отставших. Авангарды подошли к Азову только 27 июня. Враги успели изготавиться, увеличили гарнизон до 10 тыс., а буквально под носом у русских проскочили еще 20 галер с янычарами.

Турки совершали вылазки, мешали ставить лагерь. В степи сосредоточилась татарская конница, нападала, не пропускала обозы с припасами. Осада велась бестолково. Русские батареи открыли обстрел, но легкие орудия не причиняли стенам вреда. Царь, привыкший к потешным баталиям, повсюду лез, как мальчишка, сам палил из пушек, с лопатой рыл траншеи, война перемежалась шумными пирами. Гордон писал: *«Судя по нашим действиям, иногда казалось, будто мы затеяли все это не всерьез»*. Великолепно проявили себя только донские казаки. Дерзкой ночной атакой они захватили каланчи на реке, взяли 21 орудие. Но их победу тут же омрачило поражение. К туркам перебежал голландец Янсен, подсказал, что на стыке корпусов Лефорты и Гордона не завершены полевые укрепления. Защитники внезапно выплеснулись контратакой на этот участок, перебили 600 солдат.

У Шереметева дело обстояло куда более солидно. Его армия спустилась вдоль Днепра, 26 июля подступила к крепости Кызы-Кермен. Она была послабее Азова, но тоже крепким орешком – каменные стены, 30 орудий, немалый гарнизон под началом Амир-бея. Поблизости держались татары ханского сына Нуреддина. Но русским воеводам и ратникам было не впервой брать твердыни. Шереметев выслал против крымцев заслоны кавалерии, укрепил лагерь, велел обкладывать крепость шанцами, ставить батареи. Янычары устроили вылазку, но их смяли во встречном бою и загнали за стены.

С 27 июля открылась бомбардировка, начали рыть минные подкопы. 30 июля взрыв мины пробил огромную брешь в стене. Амир-паша понял, что сопротивляться бесполезно, и капитулировал. У русских обошлось почти без потерь, «полону взяли множество, также и пожитков. А стояли под ним пять дней, в шестой взяли». В других крепостях поднялась паника. Гарнизоны Аслан-Кермена и Тавана бежали в Очаков, их заняли без боя.

Петру до таких успехов было далеко. Он назначил штурм. Гордон возражал, что без проломов в стенах, без достаточного количества фашинов и лестниц атаковать бессмысленно, но его доводы отменили. 5 августа солдат бросили на приступ. Бутырский и Тамбовский полки добились успеха, взяли угловой бастион. Но дивизия Головина задержалась в садах, опоздала с атакой. Турки сняли с ее участка подкрепления, перебросили к месту прорыва и вышибли русских. Штурм обошелся в царю в 1 500 убитых. Лишь после этого решили брать Азов осадой, вести мины.

Турки продолжали вылазки. Минные подкопы обнаружили и взорвали. Петр упрямылся, велел рыть новые. Завершили их только 20 сентября, штурм назначили на 25-е. Из двух мин сработала одна. В пролом ворвался Лефортовский полк, его выбили контратакой. А ночью ударили... заморозки. 27-го «консилия» постановила отступать. Пока собирали имущество, выступили лишь 2 октября. Побрели по степям, под дождями, с ночевками на холоде. 18 октября «был великий снег». Это была катастрофа. Войска-то были в летнем обмундировании. Тысячи солдат замерзли, другие пообморозились, кое-как брели больными, кутались не пойми во что.

У Шереметева было иначе. Он успел еще взять Мустрит-Кермен и Мубарек-Кермен. Удерживать крепости не имел приказа, да и средств. Разрушил стены и благополучно увел армию на зимние квартиры. Но на Западе расценили кампанию как выдающуюся победу русских, и славили именно достижения на Днепре. В Польше выпустили поздравительную брошюру на взятие Кызы-Кермена. Хотя на заглавной картинке первым в ворота крепости въезжал Петр, вторым почему-то Мазепа, а Шереметев скромно следовал за ними в толпе прочих всадников.

Словом, молодой русский царь показал, что умеет наломать дров. Но Петр показал и другое: что умеет делать выводы из неудач. Первый из них совпадал с морскими увлечениями

царя. Сейчас стало ясно – для взятия Азова нужен флот. Он понадобится и для дальнейших действий на Азовском и Черном морях. Петр приказал расширить верфи, существовавшие в Воронеже, строить корабли. Кстати, больших кораблей европейского типа поначалу заложили мало. В основном начали сооружать такие суда, которые на Руси были давно и хорошо известны – струги, челны, плоты для перевозки войск и грузов. Петр озаботился и тем, что нужны специалисты по артиллерийскому, инженерному, минному делу. Но он не представлял возможностей русской армии и ее офицеров, обратился за специалистами в Бранденбург и Голландию.

Задумался он и о необходимости иметь хорошего главнокомандующего. Шереметев Петру почему-то не нравился. Может, государь по-юношески ревновал к его успехам. Торжественно принял в Москве, наградил, но тут же отослал обратно в Белгород. А главнокомандующим выбрал Алексея Шеина. По возрасту он был ближе к Петру, ему исполнилось всего 33 года. Шеин вошел в окружение государя, считался его другом. Но полководцем он был и впрямь талантливым. Хотя из-за его молодости в указе о назначении пришлось схитрить. Царь поставил во главе армии престарелого боярина Черкасского и оговаривал – если он по болезни не сможет, замещать его будет Шеин. Черкасский был опытным придворным, намек понял и, конечно, «не смог». Шеин первым в России официально получил чин генералиссимуса.

Армии переформировали. Сейчас говорить о внезапности уже не приходилось. У Шереметева забрали все пограничные полки, дворянскую конницу, половину украинских казаков. Ему выделили всего 2,5 тыс. солдат и 15 – 20 тыс. казаков. Предписали сугубо отвлекающие действия – спуститься на лодках по Днепру, произвести демонстрации под Очаковым. А под началом Шеина собиралось 75 тыс. воинов – 30 солдатских полков, 13 стрелецких, поместная конница, донские, украинские, яицкие казаки, калмыки. Войска были распределены по трем дивизиям – Головина, Гордона и Ригемана. Командовать флотом Петр назначил Лефорта.

В апреле 1696 г. спустили на воду флот – два 36-пушечных корабля, 23 галеры, 1 300 стругов, 300 челнов, 100 плотов. Началась погрузка и отправка войск, артиллерии, припасов. Доставлять их к Азову по воде было куда легче, чем по разбитым степным дорогам. В мае Петр прибыл в Черкасск. На этот раз разведку вели донские казаки, и наблюдение у них было налажено отлично. Походный атаман Леонтий Поздеев доложил, что они видели в море 2 турецких корабля, атаковали их, но не сумели взять из-за высоких бортов.

Петр загорелся вступить в морской бой. Отправился с 9 галерами к низовьям Дона, с ним отчалили 40 казачьих лодок. Но галеры не смогли выйти в море, северный ветер отогнал воду, устье обмелело. Царю пришлось пересест на лодку. Тут-то обнаружили, что в море стоят 13 вражеских кораблей и для доставки в Азов перегружают припасы на 13 плоскодонных тунбасов (Тунбас - турецкое мореходное парусное грузовое судно) и 11 лодок. Петр велел казакам устроить засаду за островами. Когда флотилия двинулась к Азову, донцы на нее напали, захватили 10 тунбасов. Морские корабли, заметив это, стали удирать. Казаки погнались за ними, один взяли абордажем, другой был брошен экипажем и сожжен.

Галеры удалось вывести в море 27 мая. Они блокировали вход в Дон. Постепенно подвозили и армию. Петр оставил для себя роль «бомбардира Петра Михайлова», а командование целиком отдал на усмотрение Шеина. 27 мая авангардная дивизия Ригемана достигла Азова. Турки попытались сделать вылазку, но ее ожидали. 4 тыс. донских казаков наказного атамана Савинова были наготове и так всыпали осажденным, что они не осмелились больше контратаковать. Неприятеля действовали не лучшим образом. Как выяснилось, они не удосужились порушить прошлогодние русские укрепления. Войска смогли занять старые позиции.

Шеин наметил план осторожный, но верный. Отказался от штурмов и велел «приступать шанцами». Объем инженерных работ он наметил колоссальный. Азов обложили полукругом, оба фланга упирались в Дон. За рекой возводился «земляной городок». Выше города был сооружен наплавной мост на судах. А чтобы окончательно закупорить устье Дона, на берегах возвели два форта, через реку протянули цепь. Строились батареи для тяжелых орудий, в город

полетели ядра и бомбы. Крымцы и турки не жалели усилий, чтобы выручить Азов. Ханский сын Нуреддин со своими всадниками шесть раз нападал на русский лагерь. Но Шеин выделил против него дворянскую конницу и калмыков. Они жестоко били и прогоняли татар, сам Нуреддин был ранен и едва не попал в плен. А 14 июня анатолийский паша Турночи привел эскадру из 20 кораблей и фрегатов и 3 галер. Привез припасы, 4 тыс. янычар. Но у Дона дежурил русский флот, грозно смотрели жерла береговых батарей. У паши не возникло желания проверять, насколько метко они стреляют. Эскадра постояла в отдалении от берега и ушла восвояси.

Тем временем государева артиллерия разбила внешние валы Азова, а пехота без устали копала землю, придвигая укрепления все ближе к городу. 16 июня солдаты вплотную добрались до рвов. Защитникам предложили сдаться, но в ответ загревели выстрелы по парламенту. Турки еще надеялись отсидеться за каменными стенами и башнями, они были такой толщины, что ядра их не брали. Однако Шеин по-прежнему не желал штурма. Приказал насыпать вокруг города огромный вал. Придвигать его, таким способом перейти ров и преодолеть стены. Солдаты снова взялись за лопаты. Посменно трудились 15 тыс. человек. Зарубежные специалисты, приглашенные Петром, не понадобились. Они приехали поздно, когда и без них обошлись, им осталось лишь дивиться масштабам работ.

Царь вел себя так же, как в первом походе. Ходил в море, бывал в траншеях под огнем, пировал с любимцами. Но Шеин свое дело знал и исполнял. Вал приближался к стенам, сравнился с ними по высоте. На его гребне установили батареи, они простреливали весь город и наносили осажденным большие потери. На всякий случай копались и три мины. Гарнизону на стреле вторично перебрали предложение сдать город и свободно уйти. Турки огрызнулись усиленной пальбой. Но русские пушки раздолбили бастионы, а вал подошел так близко к крепости, что «возможно было с неприятелями, кроме оружия, едиными руками терзаться».

17 июля 2 тыс. казаков перебрались с вала на башню и выбили из нее янычар.

Многие командиры доказывали – настал момент штурмовать. Нет, главнокомандующий воздержался от экспромта. Он хотел вообще обойтись без рукопашных, без свирепых уличных драк, лишних потерь. Приказал только придвинуть полки к городу, отвлечь турок от казаков. А ночью послал к ним гренадеров прикрыть отступление и забрать из башни трофейные пушки. Он оказался прав. Легкость, с которой казаки проникли в Азов и выбрались назад, убедила неприятеля – город обречен. 18 июля начальник гарнизона Гассан-бей преклонил знамена, соглашаясь на переговоры. Условия выработали быстро. Туркам разрешили уйти с личными вещами, а всю артиллерию и припасы они оставляли победителям. Шеин даже любезно предложил подвезти их на русских судах до Кагальника, где стояли татары.

Спор возник лишь насчет перебежчика Янсена. Он успел «обасурманиться» – совершить обрезание и перейти в ислам, был принят в янычары, и Гассан отказывался его выдавать. Но тут уж Петр был неумолим, угрожал прекратить переговоры и бросить армию в город. Неприятельский начальник был вынужден смириться. От гарнизона у него осталось всего 3 тыс. человек. 19 июля воины и жители стали выходить из крепости, грузились на ожидавшие их струги и лодки. Царь на церемонии не присутствовал, он уступил честь капитуляции Шеину. Гассан-бей покинул Азов последним, сложил к ногам главнокомандующего 16 знамен, преподнес ключи и поблагодарил за честное выполнение договора.

В городе нашли 96 орудий, большие запасы пороха и продовольствия. Сопротивляться он мог еще долго, если бы не умелая осада. Но отныне Азов переходил в состав России. Инженеру Лавалю поручили восстанавливать укрепления. Над православными храмами, превращенными в мечети, снова поднялись святые кресты. А при ремонте руин были найдены две иконы, Знамения Пресвятой Богородицы и св. Иоанна Крестителя. Видимо, их спрятали казаки во время знаменитого Азовского сидения в 1641 г. Теперь они чудесным образом открылись, и это сочли добрым знаком. Комендантом Азова царь назначил князя Львова, ему оставили 5 600 солдат и

2 700 стрельцов. Армия выступила в обратный путь. Отряд Шереметева на Днепре действовал в меру своих небольших сил. Вышел на подступы к Очакову, соваться к крепости не стал, остановился укрепленным лагерем поодаль, абы попугать неприятеля. Зато «чайки» запорожцев вдоволь порезвились по морю, навели ужас, захватили 20 кораблей, шедших в Очаков – на них везли хлеб, боеприпасы, пушки. Одновременно с основной армией Шереметев получил приказ возвращаться. В Москве победу отметили триумфальным шествием, и царь снова честно отметил, кто обеспечил такой блестящий результат. Сам как воевал, так и на параде прошел в общем строю в облике «бомбардира Михайлова», а главную роль отвел Шеину. Война продолжалась еще три года. Но одержанная победа открыла путь к русскому освоению Приазовья. Она сыграла важную роль и в ходе последующей, Северной войны. Русские крепости и флот на Азовском море предостерегли Турцию и Крым. Они так и не осмелились выступить на стороне шведов, вторгшихся на Украину. В суровые дни Полтавы Карл XII остался без османских полков и крымской конницы – хотя так ждал их...

Воронежские верфи

Рис. 40. Памятник Петру I в Воронеже

В средние века и начале Нового времени Турция (она же Османская Империя) была великой морской державой. Её корабли господствовали в Средиземном, Чёрном и Азовском морях. Не возможно сравнить мощь турецкого флота с мощью флотов Испании или Англии того времени, в боевые столкновения они не вступали, но флот Турции был действительно силен. Мно-

гочисленные боевые многопушечные корабли, разнообразные торговые суда, выполняющие роль транспортов и десантных кораблей, чего только стоит крымский десант 1475 года.

Конечно, казаки на своих чайках тревожили турок, но добиться решающего преимущества против турецкого флота они не могли. Для борьбы с Турцией на море и на суше нужен был настоящий морской военный флот, и это понял Пётр I во время подготовки к военным действиям против Османской империи.

В это время в Европе начинается подготовка к войне за испанское наследство. Союз Русского царства с Австрией и Венецией, заключённый против Османской империи, распадался. В таких условиях Русское государство в качестве стратегического направления выбрало борьбу со Швецией. Поэтому усиление Азовского флота многопушечными кораблями было направлено на недопущение военного конфликта с Османской империей и предотвращение войны на два фронта. По указу Петра I в городе было создано Воронежское адмиралтейство, к которому были приписаны города на реках Воронеж и Дон. 20 октября 1696 года Боярская Дума постановила начать строительство первого в истории России регулярного военно-морского флота. В 1699 году учреждён и изготовлен во флажной мастерской Воронежского адмиралтейства Андреевский флаг, а затем первые штандарты и корабельные флаги России.

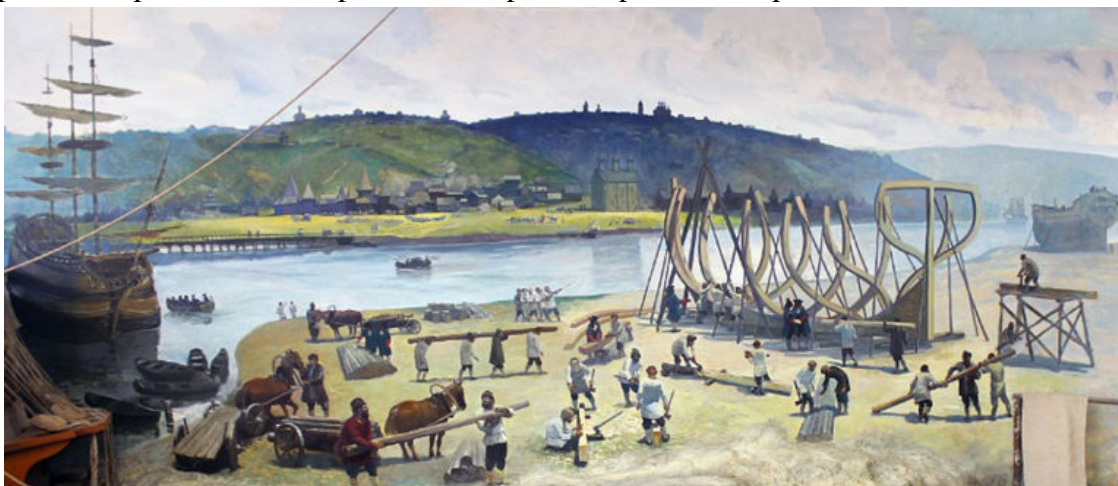

Рис. 41. Воронежская верфь

С 1696 года по 1711 год было построено около 215 кораблей, в том числе корабль «Гото Предестинация» – первый российский линейный корабль и первый корабль IV ранга по европейской классификации начала XVII века, созданный в России без участия иностранных специалистов. Благодаря Азовскому флоту удалось завоевать крепость Азов, а впоследствии подписать мирный договор с Османской империей для начала войны со Швецией.

Рис. 42. Герб города Воронеж

При подготовке второго азовского похода зимой 1695 года в Воронеже и Воронежском уезде осуществлялась подготовка 522 стругов, 42 мореходных лодок, 134 плота. Впервые в истории города такое большое количество не нагруженных кораблей ушло вниз по течению реки Воронеж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.